

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ
СУХУМСКИЙ ФИЛИАЛ
ВСЕГРУЗИНСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
им. ЕКВТИМЭ ТАКАИШВИЛИ
АБХАЗСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Зураб Папаскири

ОТ ДАВИДА ДО ДАВИДА

*Из истории международных отношений Грузии.
70-е годы X – 80-е годы XI вв.*

Тбилиси – 2001

В книге освещены узловые вопросы внешнеполитической истории Грузии в период возникновения и первых этапов развития единого Грузинского государства с эпохи Давида Великого Куропалата вплоть до воцарения Давида Строителя; показаны роль и место Грузинского царства на международной арене.

Книга рассчитана на специалистов-историков и широкий круг читателей.

Редактор: академик **Мариам Лордкипанидзе**

Рецензенты: академик **Роин Метревели**

доктор ист. наук, проф. **Валерий Силогава**

© З. Папаскири

ISBN 99928-0-284-7

ВВЕДЕНИЕ

Изучение международных отношений – важнейший раздел современной исторической науки. Человеческое общество вот уже почти 6 тысячелетий как не живет вне политики. Именно в то отдаленное время, когда на Древнем Востоке возникли первые государственные образования, и началась история межгосударственных, международных отношений. С этого времени по сей день человеческой истории сопутствовали не только глубокие социально-классовые потрясения: историческое развитие той или иной страны, народа всегда зависело и от большой международной политики, от постоянно происходящих на международной арене крупных и малых перетрясок. Давно признанная истина – изучение прошлого позволяет не только понять настоящее, но и поразмыслить о будущем. Исходя из этого, совершенно очевидно, что исследование проблем истории международных отношений помимо чисто научно-познавательного, имеет и определенное практическое значение. Без должного освоения всего исторического опыта внешнеполитических сношений стран и народов невозможен всесторонний анализ происходящих в современном мире бурных политических изменений и прогнозирование дальнейшего хода событий.

Грузинская историография всегда проявляла большой интерес к проблемам внешнеполитических сношений Грузии. Особенно следует в этом плане выделить плодотворную деятельность грузинских медиевистов. В результате их многолетней скрупулезной работы в настоящее время исследованы самые различные вопросы международных отношений средневековой Грузии. Однако сказанное отнюдь не означает, что в этом направлении все вопросы досконально изучены и не нуждаются в дальнейшей более глубокой разработке. Исключением не являются и XI-XII века – период образования и расцвета единой грузинской феодаль-

ной монархии, который смело можно признать наиболее исследованным в науке.

На протяжении VIII в., как известно, существенно изменилась политическая карта Грузии. На развалинах Картлийского и Эгрисского царств появились новые феодальные государства: Кахети, Эрети, «Абхазское» и «Картвельское» царства. Отдельно оформился и Тбилисский эмират. Вновь образованные царства-княжества с самого начала вступили в ожесточенную борьбу за политическую гегемонию в стране, что объективно переросло в борьбу за объединение феодальной Грузии. В начале XI в. в основном завершился процесс собирания грузинских земель и образовалось единое Грузинское государство, которое в XII в. превратилось в ведущую политическую силу на Кавказе. Длительный процесс борьбы за объединение Грузии и возникновение единого государства естественно протекал в определенной международной обстановке, которая, как правило, оказывала значительное влияние на происходящие внутри страны события. В процессе борьбы за создание единого Грузинского государства формировалось общегрузинское национальное единство, которое становилось основой для выработки общегрузинского внешнеполитического курса, окончательной целью которого являлось достижение национально-государственного суверенитета на международной арене. В XII в. (уже в период царствования Давида Строителя) Грузинское государство достигло намеченной цели – приобрело национальный суверенитет в международных отношениях и стало играть решающую роль в политической жизни Кавказа и Ближнего Востока. В это время оно не только освободилось из-под «опеки» Византийской империи и стало абсолютно независимой политической силой на мировой арене, но вместе с тем заявило и о своих серьезных намерениях вообще стать гегемоном всего христианско-православного мира на Востоке.

Как уже отмечалось, вопросы внешнеполитических отношений средневековой Грузии всегда привлекали пристальное внимание грузинских историков. Начиная с царевича Вахушти (XVIII в.), давшего первое более-менее научное осмысление истории Грузии¹, историки разных поколений касались вопросов внешней политики Грузии интересующего нас периода. В основном это были разделы в обобщающих трудах, хотя имели место и попытки специального изучения отдельных вопросов сношений Грузии с внешним миром (М. Броссе, Д.З. Бакрадзе, М. Джанашвили и др.). На рубеже XIX-XX вв., благодаря многолетней кропотливой работе Ф.Д. Жордания, Е.С. Такашвили и др. значительно была расширена источниковедческая база, что создало благоприятные условия для более интенсивного изучения как проблем истории Грузии в целом, так и ее внешней политики в частности. Это позволило И.А. Джавахишвили и его соратникам поднять грузинскую историографию на качественно новый уровень. Именно в трудах И.А. Джавахишвили впервые получили научное освещение проблемы внешней политики древней и средневековой Грузии. В этом плане, для нас особый интерес представляет материал, помещенный во II томе его «Истории грузинского народа»², в котором на основе критического анализа многочисленных (как грузинских, так и иноязычных) письменных источников впервые была изложена вся внешнеполитическая история страны со времен арабского нашествия (сер. VII в.) до конца царствования Тamar (начало XIII в.). Немалый вклад в разработку вопросов внешней политики Грузии внесли академики С.Н. Джанашия и Н.А. Бердзенишвили, которые в своих обобщающих трудах

¹ Вахушти. История Грузии. - «Картлис цховреба». Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С.Г. Каухчишвили, т. IV. Тб., 1973.

² Джавахишвили И.А., Сочинения (в двенадцати томах), т. II, Тб., 1983 (на груз. яз.).

осветили весь спектр внешнеполитических сношений Грузии в интересующий нас период. Кроме того, отдельные вопросы данной проблематики стали предметом их специального исследования.¹

На протяжении последних десятилетий большая работа велась по изучению различных вопросов внешнеполитической истории средневековой Грузии, в том числе интересующего нас периода. Фундаментально исследованы вопросы взаимоотношений Грузии с Византийской империей (С.Г. Каухчишвили, М. Кахадзе, В.У. Копалиани, М.Д. Лордкипанидзе, Н.Ю. Ломоури, Ш.А. Бадридзе и др.); отношения как с ближайшими соседями на Кавказе (З.В. Анчабадзе, Г.Д. Тогошвили, Т.Г. Папуашвили, А.И. Шавхелишвили, М.В. Цинцадзе, Н.Ш. Асатиани, Д.К. Степнадзе, А.П. Абдаладзе и др.), так и более отдаленными – Половецкая степь, Русь (Ш.А. Месхия, Я.З. Цинцадзе, Р.В. Метревели, Г.Г. Паичадзе, К.А. Чхатарашвили, О.Г. Жужунадзе, З.В. Папаскири и др.); разработаны вопросы взаимоотношений восточно-мусульманским миром – Египет, сельджуки, мусульманские образования Кавказа и ближнего Востока (В.Н. Габашвили, Н.Н. Шенгелия, П.А. Топурия, О.В. Цкитишвили, Г.И. Джапаридзе и др.). Отдельные вопросы, связанные с внешнеполитическими сношениями Грузии в изучаемый период затронуты в трудах ведущих специалистов по истории Византии, Кавказа и Ближнего востока: В.Г. Василевского, Ф.И. Успенского, Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева, В.П. Степаненко, К.Н. Юзбашьяна, Р.М. Бартияна и многих других.

Несмотря на достаточно хорошую изученность отдельных вопросов внешней политики Грузии в XI-XII вв., смело

¹ Джанашия С.Н., Об одном примере искажения исторической правды. По поводу книги Н. Токарского «Архитектура древней Армении», Тб., 1947; Бердзенишвили Н.А., Проявление классово-внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии. – Н.А. Бердзенишвили, «Вопросы истории Грузии», т. II. Тб., 1965, с. 5-48 (на груз. яз.).

можно сказать, что в целом проблема всестороннего, монографического изучения международного положения Грузии в период возникновения и первых этапов развития единого Грузинского государства в науке практически не ставилась¹. Первой попыткой хотя бы частичного восполнения этого пробела в историографии явились опубликованные нами монографии: «Возникновение единого Грузинского государства и некоторые вопросы внешнеполитического положения Грузии (изд-во: ТГУ, Тб., 1990), «Средневековая Грузия на международной арене» («Мецниереба», Тб., 1991), которые легли в основу нашей докторской диссертации, защищенной в ТГУ в 1991г. Настоящее издание, как раз, является несколько расширенным и отчасти обновленным вариантом представленного нами (на русском языке) в 1991 г. диссертации – научного доклада.² В нем, помимо монографического изучения внешнеполитического положения Грузии (с конца X – по 80-е годы XI вв.) в целом, по-новому освещены или впервые поставлены такие проблемы, как: 1. Внешнеполитические условия образования единой грузинской монархии в конце X – начале XI вв. (оценка роли Давида Куропалата и его внешнеполитической деятельности); 2. Борьба Гиоргия I за приобретение внешнеполитического суверенитета на

¹ Если не считать научно обобщающие очерки М.Д. Лордкипанидзе в многотомнике истории Грузии (См. Лордкипанидзе М.Д., Возникновение новых феодальных государств. – «Очерки истории Грузии», т. II, Тб., 1973, с. 372-507; Её же. Образование Феодальной монархии, – «Очерки истории Грузии», т. II, с. 507-530; Её же. Внутри и внешнеполитическое положение Грузии с 80-х годов X до 80-х годов XI в. – «Очерки истории Грузии», т. III, Тб., 1979, с. 153-209 (все на груз. яз.). См. также: написанные М.Д. Лордкипанидзе соответствующие главы в русском издании «Очерков истории Грузии», т. II, Тб., 1988, с. 246-381, а также книгу: Лордкипанидзе М.Д., История Грузии (XI – начало XIII века), Тб., 1974.

² Папаскири З.В., Международное положение средневековой Грузии (70-е годы X – 80-е годы XI вв.). – Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада, Тб., 1991.

международной арене с показом его роли в качестве инициатора и организатора антивизантийской коалиции на Кавказе и Ближнем Востоке; 3. Осложнения на пути достижения национально-государственного суверенитета при Баграте IV – обострение социально-политического кризиса внутри страны в результате длительной борьбы Липарита Багваши против центральной власти и ее негативные последствия во внешней политике; 4. Ухудшение международного положения Грузии в результате изменения внешнеполитической обстановки на Ближнем Востоке, вызванное сельджукскими нашествиями в 60-80-х годах XI в. Одновременно уточнены и высказаны целый ряд оригинальных соображений по многим конкретным вопросам внутри- и внешнеполитической истории Грузии конца X-XI столетий.

Глава I

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОН ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНОЙ ГРУЗИНСКОЙ МОНАРХИИ

В 70-х годах X в. с объявления (в 975 г.) юного царевича Баграта Багратиони правителем Картли, а затем (в 978 г.) и его воцарения в Западной Грузии – Абхазии, как известно, начался решающий этап борьбы за объединение феодальной Грузии, который в начале XI в. завершился образованием единой грузинской монархии.

В указанный период, когда объединительный процесс в Грузии вступил в решающую стадию, внешнеполитическая обстановка вокруг страны в целом была достаточно спокойной и не могла повлиять на происходящие в Грузии события. В это время ни одна из двух противоборствующих на Ближнем Востоке политических сил – Византия, Арабский халифат – не могла претендовать на роль гегемона на международной арене. Длительная борьба между этими державами, а также непрекращающиеся внутренние распри подорвали внешнеполитический потенциал этих стран. Правда, во второй пол. X в. Византийская империя по-прежнему старалась вести активную завоевательную политику и временами довольно успешно осуществляла ее, но в целом, этот период нельзя считать временем византийского могущества на международной арене. Наоборот, после смерти Иоанна Цимисхия (976), который вслед за императором Никифором Фока достиг определенных успехов как на Балканах, так и на Востоке¹, – вплоть до 90-х годов X в. значительно был ослаблен наступательный порыв византийской внешней политики.

¹ Литаврин Г.Г., Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X - первой четверти XI вв. – В кн.: «История Византии», т. II., М., 1967, с. 216.

Что касается Арабского халифата, то во второй половине X в. он уже давно не представлял собой единый государственный организм и был раздроблен на множество крупных и мелких политических единиц,¹ ни одна из которых в это время не могла играть сколько-нибудь существенную роль на международной арене. Это значит, что во второй половине X в. Грузии со стороны арабско-мусульманского мира не грозила никакая опасность, хотя отдельные осложнения между грузинскими политическими образованиями и мусульманскими эмиратами все же имели место и в это время.

Достаточно нестабильная обстановка была во второй пол. X века по соседству с Грузией – в Армении. Если в период арабского владычества Армения как-то сохраняла относительное единство, то с конца IX в. на развалинах арабской провинции «Арминии» постепенно появились ряд политических образований. В X-XI вв. процесс раздробленности еще более углубился и наряду с Анийским царством стремившегося со времен своего возникновения быть гегемоном в армянском политическом мире, появились Васпураканское, Сюникское, Ванандское, Ташир-Дзоракетское царства и другие мелкие княжества.² В IX-X вв. эти царства-княжества находились на различном уровне исторического и культурного развития, что мешало им объединяться в единое государство.³ Следует учесть также то обстоятельство, что армянским политическим единицам, которым долгое время приходилось отражать натиск арабских завоевателей ко второй пол. X в., пришлось думать об охране своих границ уже от другой державы –

¹ Всемирная история, т. III, М., 1957, с. 119; Очерки истории Ближнего востока, Тб., 1957, с. 107, 113, 115, 118 и др. (на груз. яз.).

² **Еремян С.Т.**, Присоединение северо-западных областей Армении к Византии в XI в. – «Вестник» общественных наук АН Армянской ССР, 1971, №3, с. 7; **Юзбашян К.Н.**, Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX-XI вв., М., 1988, с. 72.

³ **Юзбашян К.Н.**, Армянские государства..., с. 68-69.

Византии. Все это, а также обострение противоречий внутри страны, не позволило тем же анийским царям бороться за создание единого христианского государства в масштабе всего Закавказья, чего они так упорно добивались в начале X в. и ранее.¹

В политическом плане весьма пестрым выглядело в это время Восточное Закавказье. В X в. большая часть этого региона находилась под властью различных династий иранского и курдского происхождения,² среди которых наиболее сильными были Ширванское царство и Аранское государство Шададидов. Если ширваншахов с грузинским миром связывали традиционно лояльные добрососедские отношения, то правители Арана старались «время от времени устраивать коварные разбои»³ и опустошали пограничные районы Грузии. Несмотря на это, в 70-х годах X в. Ганджа-Аран еще не проявлял такую активность и границы Грузии и в этом направлении были в относительно спокойном состоянии.

Северный Кавказ в исследуемый нами период также оставался как в этническом, так и в политическом плане далеко неоднородным регионом. В это время на Северном Кавказе существовало несколько политических образований, среди которых наиболее мощным считалось Овсское (Осетинское) царство – «Мульк ал-Алан» восточных источников, занимав-

¹ **Бердзенишвили Н.А.**, Вопросы истории Грузии, т. VIII, Тб., 1977, с. 305 (на груз. яз.); **Лордкипанидзе М.Д.**, Внутри и внешнеполитическое положение..., с. 191-192; подробно см.: **Абдаладзе А.П.**, Взаимоотношения политических образований Закавказья в IX-XI вв., Тб., 1988, с. 169-211 (на груз. яз.).

² **Топурия П.А.**, Государственные образования Восточного Закавказья XI-XII вв., Тб., 1975, с. 25 (на груз. яз.).

³ Матиане Картлиса. – «Картлис цховреба». Грузинский текст подготовил по всем основным рукописям проф. **С.Г. Каухчишвили**, т. I, Тб., 1955, с. 279; Летопись Картли. Перевод, введение и примечания **Г.В. Цулая**, Тб., 1982, с. 60.

шее достаточно большую территорию в центральной и западных частях Кавказа.¹ Определенную силу представляли также объединения дагестанских племен: Серир, Гумик, Дарубанд и др.² Однако все эти государственные образования в это время не представляли собой такую силу, чтобы повлиять на ход событий в Грузии, отношения с которой с их стороны, как правило, носили позитивный характер.

Одним словом, к 70-х годам X в., когда были сделаны первые решающие шаги к объединению грузинских земель вокруг юного царевича Баграта Багратиони, в Закавказье была относительно спокойная международная обстановка.³ Единственной силой, претендовавшей на роль гегемона в политической жизни сопредельных стран в это время, была Византия, императоры которой все еще считались сюзеренами ряда христианских царств-княжеств, в том числе и Тао-Кларджети

¹ Новосельцев А.П., К истории аланских городов, – «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. II, Орджоникидзе, 1969, с. 132; Виноградов В.В., Аланы в Европе, – «Вопросы истории», №8, 1974, с. 118.

² Магомедов Р.М., Дагестан (Исторические этюды). Махачкала, 1975, с. 45.

³ Этим мы вовсе не отрицаем, что одним из ускоряющих факторов политического объединения феодальной Грузии была внешнеполитическая опасность. Наоборот, мы также признаем, что объединительные процессы в Грузии неразрывно были связаны с героической борьбой грузинского народа против Византии и арабов и, что «необходимость обороны от иноземных захватчиков», в целом, бесспорно, «способствовала ускорению действия объединительных сил страны» (Лордкипанидзе М.Д., Образование грузинской феодальной монархии, – «Очерки истории Грузии», т. II, Тб., 1988, с. 368). Однако, вместе с тем, как совершенно правильно отмечено в историографии, во II пол. X в. «борьба грузинского народа против врагов значительно облегчалась благоприятной международной ситуацией, в частности сравнительным ослаблением арабов и Византии» (Лордкипанидзе М.Д., Образование грузинской феодальной монархии..., с. 368). Именно это мы имеем в виду, когда говорим об относительном спокойствии на Ближнем Востоке накануне образования единого Грузинского государства.

или «Картвельского» царства, чей лидер Давид Куропалат явился одним из инициаторов и организаторов создания единого Грузинского государства.

Какова была реакция Константинополя на происходящие в Грузии 70-х годах X в. события? Необходимость как постановки, так и должного освещения данной проблемы вызвана тем, что в историографии предпринята серьезная попытка пересмотреть общепризнанное в науке положение о благоприятной внешнеполитической обстановке в период образования единой грузинской монархии и высказано мнение, по которому признается довольно активная роль византийской империи в происходящих в 70-х годах X в. в Грузии событиях. Речь идет о монографии акад. Г.А. Меликишвили,¹ в которой по-новому объяснены целый ряд узловых вопросов социально-политической истории Грузии X-XII вв. В указанном труде, Г.А. Меликишвили, поставив под сомнение роль Давида Куропалата в деле объединения Грузии, высказал предположение о том, что вассальная зависимость от Византийской империи не давала ему возможности выступить в роли инициатора и организатора создания «мощной державы в пределах Кавказа». Мы не можем согласиться с этим выводом ученого и считаем положение о невозможности какого-либо вмешательства со стороны имперских властей во внутривосточные дела Грузии в 70-80-х годах X в. неоспоримым.

Византийская империя в течение всей своей, более чем тысячелетней истории всегда имела довольно тесные экономические и культурно-политические контакты с грузинским миром. На протяжении всего этого времени отношения Византии с грузинскими политическими образованиями, конечно, не всегда были одинаковыми, но стремление

¹ Меликишвили Г.А., Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии, Тб., 1973, с. 4-24; 130-138 (на груз. яз.).

империи любыми средствами закрепиться на Востоке и вовлечь Грузию, так же как и Армению, в сферу своего политического влияния всегда было преобладающим. Однако, ко II пол. X в. позиции Византии в Закавказье значительно были ослаблены и в это время она сохраняла свой сюзеренитет, и то формальный, только лишь над Тао-Кларджети – «Картвельское» царство, правителям которого традиционно присваивали придворные титулы (куропалата, магистра, антипата и др.) византийского императорского двора.

В грузинской историографии совершенно справедливо отмечено, что присвоение представителям династии Багратионов высоких византийских титулов было только лишь формальным подтверждением зависимости «Картвельского» царства от Константинополя,¹ хотя нельзя сказать, что грузинские Багратионы совершенно не считались с мнением византийских императоров. Наоборот, само формирование Тао-Кларджетского княжества Ашотом Багратиони, как известно, происходило при определенной поддержке византийских властей и титул куропалата, пожалованный ими первому правителю Тао, действительно был выражением вассально-сюзеренных отношений между новым грузинским государственным образованием и Византийской империей. Однако, как правильно заметил в свое время акад. С.Н. Джанашия, в дальнейшем потомки Ашота фактически освободились от вассальной зависимости и в X в. уже стали суверенными правителями, «сохраняя вместе с тем прежние титулы и, прежде всего, титул куропалата».² Несмотря на это, Тао-Кларджети – «Картвельское» царство, как и соседние армянские царства-княжества, на международной арене в это

¹ **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970-1070 гг. Тб., 1969, с. 14 (на груз. яз.).

² **Джанашия С.Н.**, Об одном примере искажения исторической правды..., с. 22.

время все же рассматривалась как «византийская страна»¹ и Константинополь со своей стороны всегда старался, по возможности, держать политическую ситуацию на Востоке под своим контролем. Исходя из этого, безусловно, правящие круги империи не могли полностью проигнорировать происходящие в 70-х годах в Грузии политические изменения. Вне всякого сомнения, византийских властей настоятельно бы создание непосредственно у ее северно-восточных границ объединенного, сильного грузинского государства, которое, возможно, в перспективе оказало бы сопротивление агрессивным планам империи на Востоке. Но в источниках мы не встречаем никаких прямых указаний, которые подтверждали бы какую-либо реакцию Константинополя на объединительные процессы в Грузии. Таковыми нельзя считать и те сведения «Матиане Картлиса», которые, по утверждению Г.А. Меликишвили, якобы косвенно свидетельствуют о том, что Давид Куропалат свои действия в связи с воцарением юного царевича Баграта в Абхазии – Картли согласовывал с византийским правительством. Обращая внимание на некоторую осторожность, проявленную Давидом Куропалатом в 978 г. во время вступления Баграта на царский престол в Абхазии, Г.А. Меликишвили считает это результатом определенного давления на южно-таойского правителя со стороны Византийских властей, которых все больше настораживало дальнейшее укрепление власти царевича Баграта в Грузии. По мнению ученого, Давид Куропалат как при объявлении Баграта правителем Картли

¹ Известный ученый – византист Д.Д. Оболенский, на наш взгляд, весьма удачно подобрал термин – «содружество наций» – для обозначения круга тех стран, которые так или иначе признавали верховенство Византии. См.: **Obolensky D.D.**, *The Byzantine Commonwealth*. Oxf., 1972, с.2; **Obolensky D.D.**, *The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy – XII Congress International des Etudes Byzantines*, Ochride, 1961, глава 2; **Юзбашян К.Н.**, *Армянские государства...*, с. 79.

в 975 г., так и при его воцарении в Абхазии в 978 г. действовал согласно инструкции, полученной из Константинополя. Так, «если акт 975 г., т.е. шаг по направлению отделения Картли от Абхазии и присоединения к Тао **одобрялся** Византией, то воцарение Баграта в Абхазии (978 г.) должно было вызвать основательное беспокойство со стороны Византии, поэтому требование заложников Давидом от абхазских вельмож, **возможно, было также требованием Византийского царского двора**».¹

Совершенно смело можно утверждать, что зафиксированная в грузинской летописи осторожность, а может быть даже некоторая боязнь Давида Куропалата за жизнь своего воспитанника перед весьма ответственным и даже несколько рискованным шагом, абсолютно не дает никаких поводов для такого далеко идущего вывода («нехотя с большим трудом выполнил (Давид Куропалат – З.П.) их (Иоана Марушис-дзе и его соратников – З.П.) желание, ибо, как я уже говорил о том, бездетным был Давид Куропалат, Баграта же усыновил и воспитал для владения обеими частями Тао. Лишь когда осталась страна Картлийская и Абхазия без преемника, отдал им **по уговору, взамен забрал заложников**»)². То, что воцарение Баграта в Западной Грузии было непростым и опасения Давида Куропалата в этой связи были обоснованными, показали последующие события, когда молодому Баграту III, в течение первых десяти лет, один за другим, три раза пришлось «успокаивать» Абхазию и Картли. Помимо этого, следует учесть, что у Давида Куропалата к этому времени (т.е. 978 г.) уже был печальный опыт, чтобы беспокоиться за жизнь и здоровье своего воспитанника. Как известно, еще в 975 г. объявление юного царевича правителем Картли не обошлось

¹ Меликишвили Г.А., Политическое объединение феодальной Грузии..., с. 136 (курсив наш – З.П.).

² Картлис цховреба..., т. I, с. 275; Летопись Картли..., с. 58 (курсив наш – З.П.).

без военного вмешательства. Картлийские азнауры не пожелали подчиниться Баграту и в союзе с кахетинцами выступили против него. Осадив Уплисцихе – резиденцию правителя Картли – они «схватили Гургена и сына его Баграта и царицу Гурандухт и увели в Кахети. **Тяжела была Давиду Куропалату весть об этом**», – пишет летописец, – собрав он все свои войска, вторгся в Кахети и с трудом освободил пленников, при этом он был вынужден уступить кахетинцам некоторые крепости.¹

Как видим, уже передача Картли Баграту вызвала определенные осложнения и едва не завершилась трагично для юного царевича. Куда более опасным и рискованным для Баграта следовало бы считать воцарение в Абхазии, где в это время на троне сидел его дядя Феодосий «Слепой». Давиду Куропалату, как умному и дальновидному политику, нетрудно было предвидеть, что Феодосий и его окружение так просто не отдадут власть Баграту и его сподвижникам.

В этой связи, мы не можем согласиться с акад. Г.А. Меликишвили в оценке позиции и роли «абхазского» царского двора по отношению плана Иоанна Марушис-дзе, и полагаем, что в источниках нет никаких указаний на то, что царь Феодосий и его окружение якобы поддерживали воцарение Баграта в Западной Грузии, а инициатива объявления царевича Баграта правителем Картли вообще исходила от Кутаисского престола.² Наоборот, если внимательно вниманием в перипетии воцарения самого Феодосия III на «абхазский престол», то такой вывод может показаться совершенно нелогичным. Как известно, примерно с начала 70-х годов X в. в «Абхазском» царстве шла острая борьба за власть. Кутаисский престол оспаривали царь Деметрэ II и его брат

¹ Картлис цховреба..., т. I, с. 274-275; Летопись Картли, с. 57 (курсив наш – З.П.).

² Меликишвили Г.А., Политическое объединение..., с. 135.

Феодосий. В этой борьбе Феодосия явно поддерживал хорепископ Кахети Квирикэ, который не только выступил в качестве медиатора в споре между братьями, но даже взял на себя право мести в случае предательства со стороны Деметрэ.¹ Надо полагать, что в своем рвении, во что бы то ни стало обеспечить безопасность Феодосия, Кахетинский лидер не был так уж бескорыстным и бесспорно преследовал определенную политическую цель, которая, на наш взгляд, выплыла с наружу сразу же после воцарения Феодосия. По сообщению автора «Матиане Картлиса», «тогда (сразу же после того, как Феодосий занял царский престол – З.П.) пришли (кахетинцы – З.П.) и обступили Уплисцихе».² Подобная сомнительная последовательность событий, совершенно естественно наталкивает на мысль – не была ли заранее обговорена уступка Шида Картли – в то время удел «абхазских» царей – кахетинскому хорепископу в благодарность за оказанную им поддержку новому царю «абхазов». Возможно, против этого альянса между Феодосием и Квирикэ и выступил эристав Картли Иоан Марушис-дзе, который почему-то за помощью обратился не к Кутаиси, а направил гонцов к могущественному руководителю Южного Тао и попросил его выступить против кахетинского засилья. Следует особо отметить и то обстоятельство, что Иоан Марушис-дзе уже тогда (в 975 г.) думал о воцарении царевича Баграта в Западной Грузии.³

Т.е. совершенно очевидно, что для Иоана Марушис-дзе был абсолютно неприемлем сговор между Феодосием и Квирикэ, в результате которого этот последний овладевал Шида-Картли и потому он предпринял энергичные шаги для срыва этого плана. Одновременно эристав Картли, по-видимому приступил и к подготовке будущего государственного перево-

¹ Картлис цховреба..., т. I, с. 271.

² Там же.

³ Там же.

рота в Абхазии.¹ Если все это (объявление Баграта правителем Картли в 975 г., а затем его воцарение в Западной Грузии) было делом рук Феодосия и его окружения, то тогда непонятно, почему летописец умалчивает об этом и не фиксирует какое-либо участие кутаисских властей в разразившемся кризисе в связи с уплисцихским инцидентом? Ответ здесь может быть только один: действия Иоана Марушис-дзе и Давида III Куропалата отнюдь не были согласованы с «абхазским» царским двором. Наоборот, надо полагать, что заявление Давида Куропалата сделанное им перед картлийскими азнаурами: «Сей (Баграт) есть наследник (царей) Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, а я являюсь его попечителем и подмогой; ему повинуйтесь все»² – вызвало определенную тревогу Феодосия. То, что это действительно было так, подтверждают и последующие, за воцарением (в 978 г.) Баграта III в Западной Грузии, события, когда юный царь в лице своего дяди встретил сильную оппозицию и очень скоро был вынужден выслать его из царства.

Таким образом, такому умному и дальновидному политику, каким, бесспорно, был Давид III Куропалат, не трудно было догадаться, что воцарение юного царевича Баграта в Западной Грузии, да еще и при живом царе, не могло пройти гладко и без осложнений. Вот почему Давид проявил осторожность и потребовал заложников от Иоана Марушис-дзе и его единомышленников. Если бы осторожность и замешательство Давида были вызваны нежеланием отправить своего воспитанника в Кутаиси, дабы не дать возможность ему сделать еще один шаг на пути объединения страны, то непонятно,

¹ Об этом см. также: Лордкипанидзе М.Д., Папаскири З.В., Образование единого Грузинского государства и его дипломатическое обеспечение, – «Очерки истории грузинской дипломатии», т. I, Тб., 1998, с. 211-212 (на груз. яз.).

² Картлис цховреба..., т. I, с. 272; Абхазия и абхазцы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г.А. Амичба, Тб., 1988, с. 74.

почему же могущественный таойский владетель не принял более энергичные меры для предотвращения такого хода событий? И можно ли вообще взятие заложников рассматривать как меру, направленную против воцарения Баграта в Абхазии? Известно, что заложников, как правило (это весьма четко прослеживается, в частности, и в грузинских хрониках),¹ брали не для того, чтобы не осуществлять какую-нибудь политическую акцию, а наоборот, именно для обеспечения полной гарантии успеха задуманной акции. Так что, взятие Давидом Куропалатом заложников от абхазских (западно-грузинских) и картлийских эриставов перед отправлением Баграта III в Западную Грузию, было рассчитано, прежде всего, на обеспечение безопасности молодого царя и не более.

Не совсем обоснованным представляется нам обвинение Г.А. Меликишвили в адрес грузинских (да и армянских) летописцев (особенно автора хроники «Матиане Картлиса») заключающееся в том, что они, якобы стремясь всемерно возвеличить Давида Куропалата, незаслуженно приписывают ему главенствующую роль в деле объединения грузинских земель в единое государство. Мы полагаем, что восточно-грузинское (картлийское) происхождение автора «Матиане», а также более подробное освещение им исторического прошлого Картли (по сравнению с Западной Грузией),² не

¹ Наглядным примером в этом плане может служить рассказ автора «Жизни Картлийских царей» о том, как армянский царь затребовал заложников от картлийских эриставов, которые захотели сместить своего царя Парнаджомом и на трон возвести сына армянского царя Аршака. См.: **Леонтий Мровели**, Жизнь Картлийских царей... – в кн. «Картлис цховреба». Грузинский текст по всем основным рукописям издал **С.Г. Каухчишвили**, т. I, Тб., 1955, с. 29.

² По справедливому, на наш взгляд, замечанию Г.В. Цулая, более подробное описание истории Картли объясняется «не только лучшей осведомленностью автора летописи с этой областью и ее истории, но и особым значением Картли в исторических событиях IX-X вв.» – Летопись Картли. Перевод, введение и примечание **Г.В. Цулая**, Тб., 1982, с. 28.

могут служить весомым аргументом для объявления его «антиабхазски» настроенным автором, который стараясь показать приоритет династии Багратионов и политических кругов «Картельского» царства в объединительных процессах, всемерно принижал в этом деле роль царей «абхазов» и западногрузинских феодалов. Смело можно утверждать, что материалы «Матиане Картлиса» не только не подкрепляют этот вывод, но наоборот, практически опровергают его. Если бы автор хроники хотел скрыть объединительную деятельность царей «абхазов», то тогда непонятно, почему он дал такую восторженную характеристику тем западно-грузинским царям – Георгию II (922-957 гг.) и Леону III (957-967 гг.)¹, которые добились наиболее крупных успехов в борьбе за Картли и, фактически, отняв этот регион у тао-кларджетских Багратионов, включили его в состав царства «Абхазов».

Вот как восхваляет, например, автор «Матиане Картлиса» царя «абхазов» Георгия II: «Был он наделен всеми благами, храбростью и мужеством, был боголюбив, больше всех славился как строитель церквей, милосердный к нищим, щедрый, скромный и преисполненный благородности и доброты. Он устроил и упорядочил все дела вотчины и царства своего – построил храм Чкондидский, учредил (там) епископию и украсил его множеством мощей святых мучеников».² Также хвалебно отзываясь грузинский летописец и в адрес Леона III, царствование которого «возвеличил господ бог ... подобно отцу его. Был и он боголюбив и преисполнен всех благ. Он построил церковь в Мокви и учредил в ней, епископскую кафедру, освятил ее и снабдил полным распорядком».³

Теперь о том, была ли способна Византия так активно вмешаться во внутренние дела Грузии в 70-х годах X в., с

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 265, 270; «Летопись Картли», с. 53, 55.

² Картлис цховреба, т. I, с. 265; Абхазия и абхазцы..., с. 64-65.

³ Картлис цховреба, т. I, с. 270; Абхазия и абхазцы..., с. 69-70.

целью не допустить здесь нежелательные ей политические изменения. Как уже отмечалось, несмотря на отдельные успехи, достигнутые на внешнеполитическом поприще Никифором Фока и Иоаном Цимисхием, вторую половину X в. все же нельзя считать периодом могущества империи на международной арене. Наоборот, как известно, с середины 70-х годов империю охватил глубокий кризис, вызванный внутривосточными распрями. В 976-979 гг. против малолетних представителей македонской династии – Василия II и Константина VIII – выступил один из крупных представителей военно-феодальной аристократии – Варда Склер. Одержав (во II пол. 978 г.) несколько важных побед над правительственными войсками, Склер сделал серьезную заявку на захват верховной государственной власти в стране.¹

Из этой критической ситуации царствующую династию, практически, вывел никто иной, как южнотаоский правитель Давид Куропалат, который направил в Византию 12-тысячное войско, сыгравшее затем решающую роль в подавлении мятежа Варды Склера. Направлению вспомогательного войска в Византию предшествовали соответствующие дипломатические переговоры между византийскими и грузинскими сторонами, ход которых почти документально описывается в сочинении Гиоргия Мтацминдели: «Житие Иоана и Еквтимэ».²

В виду того, что этот факт является весьма примечательным эпизодом средневековой грузинской дипломатии, считаем необходимым, несколько подробнее остановиться на нем. Инициатива дипломатических контактов исходила от императорского двора. Византийская сторона сперва обратилась к

¹ Литаврин Г.Г., Внутренняя и внешняя политика Византии..., с. 218; Ломоури Н.Ю., К истории восстания Варды Склера, – Труды ТГУ, т. 67, Тб., 1957, с. 29-31.

² Гиорги Мтацминдели, Житие Иоана и Еквтимэ, – Памятники древнегрузинской агиографической литературы, под ред. И. Абуладзе, кн. II, Тб., 1967, с. 45-48.

Афонской иверской лавре и с представителями грузинской духовной миссии обсудила вопрос о направлении таоского войска на помощь правящей династии. В историографии принято считать, что Грузинский Иверский монастырь на Афонской горе, помимо крупного культурно-религиозного центра, выполнял также функцию дипломатического представительства (посольства) в Византийской империи.¹ Византийский посол, некий Севастофор, направленный в Иверскую лавру Феофанией – матерью малолетних императоров Василия и Константина, практически управлявшей тогда страной – встретился с руководителями Лавры, среди которых был монах Торникэ. По-видимому, именно ему были даны особые дипломатические полномочия – возможно, он исполнял обязанности полномочного представителя Давида III Куропалата. После непродолжительных консультаций грузинская сторона решила направить Торникэ в Константинополь, где он был принят, как говорится, «на высшем уровне». На встрече присутствовали оба императора, а вела переговоры непосредственно императрица Феофания, которая приказала своим сыновьям «кинуться к ногам» Торникэ и попросить у него содействия.² Переговоры завершились успешно. Императорский двор подготовил официальный документ – «просьбу» и направил с этим документом монаха Торникэ к грузинскому куропалату. Давид III, внимательно проанализировав возникшую ситуацию, счел возможным оказать военную помощь византийскому правительству, но вместе с тем

¹ Лордкипанидзе М.Д., Папаскири З.В., Образование..., с. 214. В последнее время, в историографии высказано предположение, что впервые грузинское дипломатическое представительство в Византии якобы появилось на рубеже 20-30-х годов XI в. и это связано с дипломатической деятельностью царицы Грузии – Мариам (Тухашвили Л.В., Очерки из истории грузинской дипломатии, кн. I, Тб., 1994, с. 41 (на груз. яз.), что на наш взгляд требует дополнительной аргументации.

² Гиорги Мтацминдели, Житие ..., с. 46-47.

предъявил Константинополю и «свои требования». «И тогда отдали цари (византийские императоры – З.П.) верхние земли куропалату, дабы он владел ими при жизни» – пишет Гиорги Мтацминдели.¹ Не должно вызывать никакого сомнения, что сама форма обращения с просьбой о помощи, зафиксированная в грузинском источнике, а также встречные условия Давида Куропалата (требование уступить т.н. «Верхние земли»),² явно свидетельствуют о том, что Давид отнюдь не был таким «послышным» вассалом империи, каким его представляет акад. Г.А. Меликишвили. Конечно, это не означает то, что грузинский куропалат к этому времени полностью освободился от юридической «опеки» Константинополя. Царство «Картвелов», безусловно, все еще оставалось «Византийской страной», но влияние «метрополии», которая по замечанию акад. И.А. Джавахишвили и раньше никогда не вмешивалась активно во внутренние дела страны,³ теперь вообще стало чисто номинальным. В любом случае, трудно представить, что империя, которая сама переживала тяже-

¹ Гиорги Мтацминдели, Житие ..., с. 48.

² См.: Гиорги Мтацминдели, Житие Иоана и Еквтимэ, с. 47-48. Несмотря на четкое указание грузинского источника, многие известные ученые-византинисты (Г.Ф. Герцберг, Г. Гельцер, Ш. Диль, Г. Острогорский, Г.Г. Литаврин и др.), опираясь на византийскую традицию (Георгий Кедрин), участие войск Давида Куропалата в подавлении восстания объясняют не официальной просьбой византийского императорского двора, а всего лишь дружбой таойского правителя и командующего правительственными войсками Вардой Фока. На самом деле, как это совершенно однозначно видно из грузинского источника, Давид Куропалат, только лишь после определенной договоренности откликнулся на просьбу византийского императорского двора и выступил в защиту его интересов в борьбе с мятежным военачальником. О достоверности данных «Жизни Иоана и Еквтимэ» см. подробно: Бадридзе Ш.А., Взаимоотношения Грузии с Византией и крестоносцами. Тб., 1984, с. 57-73 (на груз. яз.). Там же соответствующая литература.

³ Джавахишвили И.А., История грузинского народа, т. II, с. 112.

лейшие потрясения и нуждалась в помощи таойского владельца, могла бы контролировать его действия в Грузии и не допустила бы возникновения здесь единого централизованного государства. Более того, в это время могущество Византийской империи так было подорвано, что она не справлялась с куда более важными для нее внешнеполитическими задачами, нежели подавление объединительных тенденций в Грузии. Прежде всего, следует отметить неудачи на Балканах, где византийские власти не смогли предотвратить восстание болгар (началось в 976 г.) и образование единого Болгарского государства, а в 986 г. болгары нанесли такое сокрушительное поражение войскам Василия II, какое они не терпели на протяжении всей последней четверти X в.¹ Не лучше обстояли дела и на Ближнем Востоке, где главными соперниками империи в это время выступали Фатимидские халифы Египта, которые всемерно стремились вытеснить византийцев из Сирии. Воспользовавшись обострением внутривосточной ситуации в Византии из-за мятежа Варды Склира, дерзкую попытку выйти из-под повиновения Константинополя сделал эмир Алеппо, который, нарушив договор 969 г., отказался выплатить дань. В 80-х годах X в. византийским властям неоднократно приходилось утихомиривать правителей Алеппо и только к началу 90-х годов была достигнута относительная стабилизация в этом направлении, хотя в дальнейшем Византийская империя все же была вынуждена распрощаться с этим регионом. Египетские Фатимиды, нанеся несколько чувствительных ударов византийским войскам в 90-х годах, сумели (в 1015-1016 гг.) подчинить себе Алеппо.²

¹ Литаврин Г.Г., Внутренняя и внешняя политика..., с. 218; Об этом см. подробно: Васильевский В.Г., К истории 976-986 гг. – Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП), ч. 184, 1876; Липовский А.Л., Из истории греко-болгарской борьбы в X-XI вв. – ЖМНП, ч. 273; 1891; Литаврин Г.Г., Болгария и Византия в XI-XII вв., М., 1960, с. 261-263.

² Литаврин Г.Г., Внутренняя и внешняя политика..., с. 225.

Одним словом, как видно из приведенного материала, в последней трети X в. – т.е. в то время, когда в Грузии полным ходом шли объединительные процессы, Византийская империя переживала отнюдь не лучшие времена и не учитывать это при определении сил и масштабов внешнеполитической активности константинопольских властей, вряд ли оправдано.

Рассматривая проблему взаимоотношений Византийской империи с Тао-Кларджети и его лидером Давидом Куропалатом, нельзя не коснуться еще одного утверждения акад. Г.А. Меликишвили. Это вопрос о том, что Давид Куропалат не мыслил «свою деятельность вне общевизантийской большой политики» и никогда не стремился достижения полного суверенитета от Константинополя, в силу чего якобы он не мог возглавить объединительное движение в Грузии и выступить в роли создателя единого Грузинского государства.¹ События 989 г., когда грузинский куропалат активно поддержал мятеж Варды Склира и Варды Фоки и выступил против Василия II,² явно показывают, что Давид был достаточно суверенным правителем и свои действия, как внутри страны, так и во внешней политике, ни с кем не согласовывал.³

Не можем разделить и точку зрения о том, что со своей стороны Византия также никогда не стремилась к сильному ограничению власти Давида Куропалата и не предпринимала никаких шагов в этом направлении даже тогда, когда таойский владетель открыто выступал против царствующей династии, как это было в 989 г.⁴ Василий II не только не ограничил власть

¹ Меликишвили Г.А., Политическое объединение..., с. 17.

² Об этом см.: Лордкипанидзе М.Д., Из истории грузино-византийских взаимоотношений на грани X-XI вв., – «Вопросы истории Грузии феодальной эпохи», II, Тб., 1979.

³ Цагареишвили Е.В., Армянские источники о грузино-византийских взаимоотношениях X-XI веках, – «Мравалтави» (Историко-филологические разыскания), II, Тб., 1973, с. 161 (на груз. яз.).

⁴ Меликишвили Г.А., Политическое объединение..., с. 17.

таойского владетеля, но вообще лишил непокорного вассала всяких атрибутов суверенности, заставив его подписать «завещание», по которому единственным наследником Давида Куропалата объявлялся сам император. Не вызывает никакого сомнения то, что «завещание» Давида Куропалата было таким же средством наказания грузинского правителя, каким были аналогичные «завещания» армянских царей Сенекерима Арцруни и Иоанна-Сумбата, которые, как известно, впоследствии, стали юридической «основой» присоединения армянских (Васпураканское и Анийское царства) политических образований к Византийской империи.¹

Что же касается «антиабхазского» (т.е. направленного против интересов царя «абхазов» – Баграта III) характера «завещания» Давида Куропалата, на чем настаивает Г.А. Меликишвили², то и это нам представляется весьма проблематичным. Конфликт между Давидом Куропалатом и Багратом III 988 г., возникший из-за попытки царя «абхазов» овладеть Клдекарским эриставством, не дает весомых аргументов говорить об окончательном разрыве между Давидом и его воспитанником. Нам кажется, что конфликт этот был спровоцирован клдекарским эриставом Рати Багваши (а не византийским правительством, как это полагает М.Д. Лордкипа-

¹ Об этом подробно см.: Еремян С.Т., Присоединение северо-западных областей Армении..., Бартикян Р.М., К вопросу о политической ориентации Григория Магистра. – «Страницы истории и филологии армянского народа», Ереван, 1971, с. 63-72; Степаненко В.П., О причинах и датировке передачи Васпуракана Византии. – «Византийский временник» (далее ВВ) 38, М., 1977, с. 72-79; Его же: К идентификации личности «Веста» «Матиане Картлиса», – ВВ, 41, М., 1980, с. 163-172; Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г., ВВ, 40, М., 1979, с. 76-95; Арутюнова-Фиданян В.А., Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Востоке в X-XI вв. – «Историко-филологический журнал (далее ИФЖ), Ереван, №2, 1978; Ее же: Армяне-халкедониты на восточных границах Византийской империи (XI в.), Ереван, 1980, с. 3-45 и др.

² Меликишвили Г.А., Политическое объединение..., с. 17.

нидзе).¹ Сведения «Матиане Картлиса» совершенно четко указывают на то, что недоразумение (подчеркиваем, именно **недоразумение** и не более) между Давидом Куропалатом и его воспитанником очень быстро было урегулировано, и царь «абхазов», получив «санкцию» от своего приемного отца, уже в следующем году, без всяких осложнений, овладел Клдекарским эриставством, этим весьма важным в военно-стратегическом и экономическом плане регионом, чем сделал еще один крупный шаг на пути объединения всей Грузии. Позиция, занятая Давидом Куропалатом при включении Клдекарского эриставства в состав царства «Абхазов», а также вся его военно-политическая деятельность в 90-х годах X в. (походы 990-998 гг. – захват Манаскерта и ряда пограничных областей, их заселение грузинами и армянами), бесспорно, свидетельствует о том, что таойский владетель совсем не думал о пересмотре своих отношений к Баграту III и по-прежнему считал его своим единственным наследником.² Трудно представить, что усердие и целеустремленность, с которым выступал Давид Куропалат против мусульманских правителей, диктовалось исключительно интересами византийской внешней политики. Наоборот, как совершенно справедливо отмечает в этой связи М.Д. Лордкипанидзе, все мероприятия Давида Куропалата (в том числе военно-политические акции 90-х годов X в. – З.П.) **«имели явно выраженный характер грузинской государственной политики»**.³ Видимо, эта направленность политики таойского владетеля вызвала серьезную озабоченность в Константинополе, потому там и решили срочно расправиться с ним. Соответствующие материалы из армянских источников (сочинения Аристакеса

¹ Лордкипанидзе М.Д., Из истории грузино-византийских..., с. 35-37.

² Об этой см. также: Бадридзе Ш.А., Взаимоотношения Грузии с Византией..., с. 68-69.

³ Лордкипанидзе М.Д., Возникновение новых феодальных государств, – «Очерки истории Грузии», т. II, Тб., 1988, с. 355 (курсив наш – З.П.).

Ластивертци и Матгэоса Урхаеци)¹ недвусмысленно дают знать о том, что Давид Куропалат по указанию императора Василия II был умерщвлен своими же верноподданными. Возникает вопрос, зачем же понадобилось византийским властям форсирование событий? Ведь старому куропалату и так недолго оставалось жить? Единственным ответом здесь может быть то, что на закате своей деятельности Давид, по видимому, предпринял какие-то конкретные политические шаги, которые наносили значительный ущерб византийским интересам на Востоке. Наиболее вероятным в этом плане мероприятием нам представляется возможная попытка таойского правителя предупредить всякие осложнения и при жизни передать свои владения настоящему своему наследнику царю «абхазов» Баграту III.² Естественно, империя не могла этого допустить, и она при помощи своей агентуры сумела опередить события. Осуществить это было нетрудно, так как в Тао-Кларджети многих пугало установление сильной центральной власти царя «абхазов». Т.е. возникла ситуация, когда, по меткому замечанию акад. Н.А. Бердзенишвили, «стерлась грань всякого национального под давлением императива удовлетворения классовых интересов».³

Таким образом, есть все основания не сомневаться в том, что Давид Куропалат, даже в 90-х годах X в., т.е. после подписания им злополучного «завещания», не являлся «покорным рабом» империи и весьма последовательно продолжал ярко выраженную национальную политику, целью которой было

¹ Об этом см.: Цагареишвили Е.В., Армянские источники о грузино-византийских взаимоотношениях в X-XI веках, – «Мравалтави», II, Тб., 1973, с. 178-179; 198-199 (на груз. яз.).

² О мотивах убийства Давида Куропалата также см.: Абдаладзе А.П., По следам убийства Давида Великого Куропалата, – «Грузинская дипломатия», (ежегодник), т. 4, Тб., 1997, с. 31-37 (на груз. яз.).

³ Бердзенишвили Н.А., Проявление классовой и внутриклассовой борьбы..., с.22.

создание общегрузинского централизованного государства под эгидой своего воспитанника Баграта III.

Завершая рассмотрение проблемы об отношении Константинополя к объединительным процессам в Грузии, нельзя не сказать еще об одном. Следует ли придавать такое решающее значение тому факту, что Давид Куропалат формально считался вассалом византийского императора? Как уже отмечалось, по мнению Г.А. Меликишвили, именно это обстоятельство мешало южнотаойскому владельцу выступить в роли инициатора создания единого грузинского государства. Объединение Грузии, пишет ученый, должно было произойти «в процессе преодоления византийского противостояния, в борьбе с Византией. Такая роль же больше подходила Абхазии, с самого начала возникшей именно в процессе борьбы с Византией, а не Тао-Кларджети...»¹ Не случайно, – считает Г.А. Меликишвили, – что византийское правительство терпело активность Давида Куропалата, в то время как любое продвижение Баграта III вызывало «крайне резкую реакцию» со стороны имперских властей.² Мы уже говорили о том, как отнеслись правящие круги Византии к активным действиям Давида Куропалата, и что сделали с ним, когда тот серьезно задел интересы македонской династии. «Завещанием» 989 года, как отмечалось выше, он практически был лишен всех атрибутов суверенной власти, а в 1001 г. вообще стал жертвой политических интриг, главным дирижером которых был не кто иной, как сам император Василий II. Что же касается отношений Византии к Баграту III и здесь дело обстоит совершенно иначе. Мы не располагаем практически ни одним фактом, подтверждающим не только «крайне резкую», но и вообще какую-либо отрицательную реакцию (это конечно, объясняется ослаблением могущества империи) Константинополя в связи с дальнейшим

¹ Меликишвили Г.А., Политическое объединение..., с. 136.

² Там же, с. 19.

ростом влияния царя «абхазов» в Грузии. Следует отметить, что в период царствования Баграта III (978-1014 гг.) мы не можем зафиксировать ни одного факта конфронтации между Византией и царем «абхазов». Единственным неприятным инцидентом во взаимоотношениях между ними можно считать только лишение Баграта III византийским императором наследственных прав на владения Давида Куропалата в 1001 г., но на это Василий II имел «законные» основания, так как еще с 989 г. он был объявлен «единственным наследником» таойского владельца. Поэтому вряд ли следует в этом факте усматривать «крайне резкую реакцию» Византии по отношению к Баграту. Несмотря на то, что захват Василием II Южного Тао, несомненно, наносил чувствительный удар объединительной политике царя «абхазов», за ним не последовало обострение взаимоотношений между Багратом III и византийским императором. Наоборот, присвоение титула куропалата Баграту означало установление добрососедских, дружеских отношений между империей и грузинским царем. Более того, данный факт, на наш взгляд, вообще следует рассматривать, как признание Баграта III со стороны Константинополя в качестве общегрузинского лидера. Одновременно, присвоив воспитаннику Давида Таойского титул куропалата, византийские власти, по-видимому, старались как-то смягчить ту напряженность, которую могла вызвать аннексия с их стороны Южного Тао.

Итак, в 1001 г. Баграт III, которого, по мнению Г.А. Меликишвили, следует считать независимым от Византии политическим лидером, официально становится таким же куропалатом византийского императорского двора, каким был его приемный отец. Однако это совершенно не помешало ему успешно довести до конца дело объединения феодальной Грузии, начатое в 70-х годах X в. выдающимся грузинским политическим и государственным деятелем – Давидом III Куропалатом. Интересно, что именно после 1001 г., т.е.

принятия Баграта III византийского придворного титула, были достигнуты решающие успехи на пути объединения страны. В 1008 г. он, как известно, без всяких осложнений, овладел отцовским уделом – царством «Картвелов». Позже (в 1010-1011 гг.)¹ Баграт присоединил к объединенному царству «Абхазов» и «Картвелов» Кахети и Эрети, а в 1012 г. занял удел кларджетских Багратионов. Этим самым в основном завершился процесс собирания грузинских земель и образования единого государства. Во время этих, весьма ответственных и знаменательных военно-политических акций со стороны империи не было не только «крайне резкой», но и вообще никакой реакции. Если из-за Кахети и Эрети Византия, может быть, не стала бы особенно беспокоиться, то овладение Баграта III «Картвельского» царства, а также репрессии по отношению кларджетских Багратионов (нашедших, кстати, политическое убежище в Византии) не могли не вызвать определенную озабоченность имперской администрации. Но, как уже неоднократно отмечалось, у Византии в это время, по-видимому, не было сил и возможностей оказать какое-нибудь давление на Баграта III и остановить процесс усиления Грузинского царства. Со своей стороны, по всей вероятности, и Баграт III не старался нарушить добрососедские отношения с империей. Совершенно очевидно, что в это время не было никакой необходимости придавать антивизантийский характер процессу создания единого Грузинского государства (как это, например, произошло в период формирования «Абхазского» царства). Наоборот, задачи успешного осуществления последовательной объединительной политики, скорее всего, требовали определенной осторожности со стороны Баграта III на внешнеполитической арене и в первую очередь во взаимоотношениях с Византией. Видимо, этим и объяснялась та (во

¹ Папуашвили Т.Г., Царства Ранов и Кахов (VIII-XI вв.), Тб., 1982, с. 206 (на груз. яз.).

всяком случае внешняя) лояльность, которую мы наблюдаем со стороны Баграта III Куропалата по отношению к Византийской империи.

Таким образом, приведенные нами аргументы, думаем, не оставляют никакого сомнения в том, что официальное признание грузинскими политическими деятелями – Давидом Куропалатом и Баграта III верховенства Константинополя, не стали препятствием в их борьбе за политическое объединение феодальной Грузии. Значит, вопрос о том, что якобы вассальная зависимость Давида Куропалата от Византии не могла дать ему возможности выступить в роли инициатора и организатора создания единого Грузинского государства, надо снять.

С возникновением единого государства начался совершенно новый этап в истории международных отношений Грузии. С этого времени вместо четырех различных политических образований на международной арене начинает выступать объединенное государство, защищавшее общегрузинские национальные интересы и имевшее совершенно иной статус в международных отношениях. Раньше, как известно, каждое из грузинских царств-княжеств старалось проводить самостоятельную внешнюю политику, нацеленную главным образом на обеспечение независимости этих политических образований. Это обстоятельство, как правило, мешало выработке единого внешнеполитического курса. Со своей стороны, внешние силы (Византия, арабы) использовали противостояние между отдельными грузинскими образованиями и всемерно старались не допустить создание объединенного сильного Грузинского государства. Однако, как это было показано выше, в последней трети X в. на Кавказе и Ближнем Востоке не было политической силы, которая была бы способна остановить объединительные процессы в Грузии, хотя путь к объединению и без этого, можно сказать, был довольно тернистым и Баграту III при-

шлось преодолеть достаточно серьезные препятствия внутри страны. Несмотря на то, что в нашу задачу не входит подробное освещение проблем внутривосточной истории Грузии, мы все же сочли необходимым вскользь коснуться отдельных интересующих нас вопросов внутривосточной жизни страны того периода и высказать свои соображения по некоторым из них.

Например, нам представляется, что в грузинской историографии не совсем точно осмыслены последовавшие за объявлением юного царевича Баграта правителем Картли в 975 г. события. Этот акт вызвал недовольство картлийских азнауров, которые, призвав кахетинцев, всемерно стремившихся не упустить возможность самим занять Шида (внутренняя часть) Картли (в этой связи следует отметить, что идея объединения грузинских земель под эгидой царевича Баграта вообще родилась под давлением кахетинской опасности), осадили Уплисцихе (резиденцию правителя Шида Картли) и пленили Баграта и его родителей. Давиду Куропалату с большим трудом удалось освободить пленников. Он, практически, выкупил их, отдав взамен кахетинцам некоторые крепости. Однако, как нам кажется, могущественный таойский владетель, по-видимому, не сумел восстановить своего воспитанника в прежней должности. Иначе трудно понять неожиданное пояснение автора «Матиане» о том, что «в ту пору (т.е. после освобождения Баграта с отцом и матерью из кахетинского плена до воцарения его в Абхазии – З.П.). Уплисцихе и Картли владела царица Гурандухт. Сия царица Гурандухт была дочерью Гиоргия, царя абхазов и матерью Баграта».¹ Данное сообщение грузинской хроники, на наш взгляд, свидетельствует о том, что центростремительные силы, во главе которых стояли Давид Куропалат и Иоане Марушис-дзе, на этот раз были вынуждены временно

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 275; Летопись Картли..., с. 57 (курсив наш – З.П.).

отступить и пойти на некоторые компромиссы по отношению сепаратистки настроенных картлийских азнауров и их кахетинских покровителей. Выражением этого следует считать объявление правительницей Картли матери Баграта Гурандухт.

То, что царица Гурандухт определенно была связана с сепаратистскими силами Шида Картли и, в какой-то степени, являлась их ставленницей, показали последующие события, когда, уже воцарившемуся в Абхазии Баграту III, с оружием в руках, пришлось «успокаивать» взбунтовавшихся картлийских азнауров. Как выясняется, по данным некоторых эпиграфических памятников (армянская надпись Атенского Сиона), царь «абхазов» Баграт «поссорился с царицей Картли»,¹ а в «Матиане Картлиса» почему-то подчеркнуто, что Баграт III «отобрал крепость (Уплисцихе) у матери своей», забрал ее с собой «и ушел в страну Абхазскую».² Из этого, бесспорно следует, что пребывание Гурандухт в Картли создавало определенные трудности Баграту III на пути создания единого Грузинского государства. Особенно обращает внимание тот факт, что в вышеупомянутой армянской надписи Гурандухт названа именно «царицей картвелов». Это, по нашему мнению, является своеобразным отражением стремления картлийских азнауров, обзавестись своим местным монархом, со своей династической ветвью. Т.е. в Картли в это время возникла типичная для эпохи развитого феодализма ситуация, когда феодальная аристократия вместо сильной царской власти предпочитает иметь своего местного марионетного династа. Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что господствующее в историографии положение, по которому в 975-978 гг. царевич Баграт бессменно был правителем Картли, следует пересмотреть.

¹ Алексидзе З.Н., Армянские надписи Атенского Сиона., Тб., 1978, с. 51, 113 (на груз. яз.).

² Картлис цховреба, т. I, с. 276; Летопись Картли..., с. 58.

Некоторые коррективы надо внести также и в осмысление другой проблемы – установления времени и условий принятия Баграта III титула царя «картвелов», а также титула куропалата. В историографии долгое время господствовало мнение, что титул «картвельского» царя к Баграту III перешел после смерти его отца, «царя царей» Гургена (1008 г.).¹ Однако, в последнее время, все больше начали говорить о том, что Баграт, возможно, стал царем «картвелов» после кончины Давида Куропалата.² Несмотря на то, что в источниках (в рукописи Афонской лавры) имеются отдельные упоминания Давида царем «картвелов», мы сомневаемся, что он действительно носил этот титул. Как в сочинении Яхьи Антиохийского,³ так и в рукописи Афонской лавры,⁴ совершенно необязательно в соответствующем тексте видеть именно титулатуру таойского правителя. В них, гораздо проще усматривать просто определение Давида, как грузинского царя, грузина вообще, а не обязательно носителя официального титула царя «картвелов». Правильность нашего предположения подтверждается и тем, что тот самый Яхья Антиохийский, который знает Давида, как грузинского царя, в одном

¹ Джавахишвили И.А., История грузинского народа, II, с. 130-131; Лордкипанидзе М.Д., Внутри и внешнеполитическое положение Грузии..., с. 159. Гучуа В., Баграт III, – Грузинская советская энциклопедия, т. II, Тб., 1977, с. 128; История Грузии. Словарь. Составитель Метревели Р.В., Тб., 1979, с. 106 (все на груз. яз.).

² Шошиашвили Н.Ф., Надписи Восточной и Южной Грузии, – Корпус грузинских лапидарных надписей, I, Тб., 1980, с. 56; Силогава В.И., Надписи Западной Грузии (IX-XIII вв.). Корпус грузинских лапидарных надписей, II, Тб., 1980, с. 52-53 (на груз. яз.); Лордкипанидзе М.Д., Возникновение новых феодальных государств..., с. 338.

³ Силагадзе В.Г., Сведения Яхьи Антиохийского о взаимоотношениях Грузии и Византии в последней четверти X и первой четверти XI вв. – «Грузинское источниковедение», т. VI, Тб., 1985, с. 115 (на груз. яз.).

⁴ Курцикидзе Ц., Об одной рукописи, переписанной в Афонском монастыре, – «Мцигнобари», Тб., 1980, с. 117-120 (на груз. яз.).

случае называет его и «абхазом».¹ Исходя из этого, нам кажется, что совершенно необязательно принятие Баграта III титула царя «картвелов» связывать со смертью Давида Куропалата. Вместе с тем, мы допускаем, что Баграт III титул «картвельского» царя мог получить непосредственно после смерти своего деда – царя «картвелов» Баграта II. Надо полагать, что этот акт был еще одним целенаправленным шагом в деле объединения грузинских земель вокруг Баграта III, и он осуществлялся теми же силами, которые сделали Баграта вначале правителем Картли, а затем и царем «абхазов», т.е. Давидом Куропалатом и его окружением. Возможно, что особую роль при этом сыграл отец Баграта – «царь царей» Гурген, также всемерно добивающийся укрепления власти своего сына. Совершенно не исключено, что он сознательно отказался от титула царя «картвелов» в пользу Баграта и сам довольствовался почетным титулом «царя царей». Все это, как нам кажется, было направлено на упрочение легитимных прав царя «абхазов» в Тао-Кларджети, т.е. своеобразной подготовкой почвы для безболезненного овладения этим регионом в будущем (после смерти Гургена) Баграта III. В связи с этим, следует отметить также, что присвоение титула «царя царей» Гургеном, совершенно не означал его верховенства над царем «абхазов». Впрочем, также и титул «картвельского» царя еще не давал реальную власть в Тао Баграту III.

В этом же русле следует рассмотреть и пожалование Баграту III титула куропалата в 1001 г. Мы считаем, что присвоение большего чина (куропалата) Баграту III и меньшего (магистра) его отцу «царю царей» Гургену не было вызвано только лишь коварным замыслом императора

¹ Силагадзе В.Г., Сведения Яхьи Антиохийского..., с. 119. Интересно, что в одном грузинском источнике (см. Жордания Ф.Д., Хроники, т. II, Тифлис, 1895, с. 95 – на груз. яз.) Давид Куропалат назван «царем царей», однако, совершенно очевидно, что первым, кто официально носил этот титул, был Гурген.

Василия II, как это отмечает историк XI в. Сумбат Давидидзе. Оно объяснялось гораздо более серьезными политическими мотивами и было следствием учета со стороны византийских властей возникшей к началу XI в. в Грузии новой государственной и политической конъюнктуры. Как видно, правительство Василия II имело совершенно ясное представление о расстановке политических сил в Грузии и понимало, что именно Баграт III, царь «абхазов» и единственный наследник (возможно, уже официально даже глава) «картвельского» царского дома, реально претендовал на роль лидера в общегрузинском масштабе, в то время, как его отец «царь царей» Гурген оставался владельцем лишь одной части Тао-Кларджети. Это обстоятельство, по-видимому, вынуждало имперских властей больше считаться именно с Баграта III, нежели с его отцом. В условиях, когда Византия была не в силах реально вмешаться во внутренние дела Грузии (а это мы постарались показать выше) и предотвратить здесь нежелательные для нее изменения, Василию II оставалось лишь смириться со всеми этими изменениями и довольствоваться формальным признанием грузинскими царями верховенства Константинополя.

Со своей стороны, совершенно очевидно, что грузинские политические деятели в это время все еще проявляли некоторую заинтересованность в получении титула куропалата. В указанный период это по всей вероятности, давало определенные преимущества его обладателю в борьбе за власть в Тао-Кларджети¹ и использовалось им чем-то вроде золотоордынского «ярлыка». Исходя из этого, надо думать, что «царь царей» Гурген, будучи всемерно заинтересованным в дальнейшем усилении власти Баграта, не только не мешал своему сыну в приобретении им сана куропалата, но, наоборот, сам был инициатором такого распределения визан-

¹ Очерки истории СССР, IX-XIII вв. М., 1953, с. 558; Лордкипанидзе М.Д., Внутри и внешнеполитическое положение..., с. 173.

тийских титулов. Недовольство же северотаойского владельца, проявленное им сразу же после отбытия Василия II из Тао, – попытка военным путем овладеть городом Олтиси, – отнюдь не было следствием того, что, якобы, Гурген «считал для себя унижением достоинство магистра», как это пишет армянский историк XI в. Степанос Таронаци.¹ Антивизантийские действия Гургена были вызваны более серьезными политическими причинами, нежели та, о которой говорит Асохик. В отличие от армянского историка, грузинский правитель совершенно четко видел негативные последствия захвата императором южного Тао и не исключал возможность того, что объектом дальнейшей экспансии византийцев могли стать его владения.² Демарш Гургена, на наш взгляд, как раз был рассчитан на то, чтобы предотвратить дальнейшее возможное продвижение империи в направлении Северного Тао. Активность Гургена, видимо, достигла своей цели. Византийское правительство не стало обострять отношения с непокорным магистром и пообещало исполнения его требований.³ В историографии высказано вполне обоснованное мнение о том, что Василий II даже пошел на некоторые территориальные уступки в пользу Гургена.⁴ По мнению М.Д. Лордкипанидзе, эта часть, может быть, и все Южное Тао,⁵ хотя мы полагаем, что, скорее всего это «земли, коими владел Давид Куропалат... в Кола-Артаани и Джавахети»⁶, как это

¹ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия. Перевел с армянского и объясн. Н. Эмин. М., 1864, с. 201-202.

² Лордкипанидзе М.Д., Из истории..., с. 38.

³ Всеобщая история Степаноса Таронского..., с. 201-202.

⁴ Юзбашян К.Н., Аристаке Ластивертци и его исторический труд. – В кн. «Повествование» Вардапета Аристаке Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступ., статья и приложения К.Н. Юзбашяна, М., 1968, с. 22.

⁵ Лордкипанидзе М.Д., Из истории грузино-византийских..., с. 39-40.

⁶ Картлис цховреба, т. I, с. 288; Летопись Картли, с. 63.

полагает акад. Д.Л. Мухелишвили.¹ Так или иначе, в 1001 г. все спорные вопросы между Василием II и грузинскими царями были урегулированы мирным путем, что дало возможность Баграту III и его единомышленникам направить все свои усилия на успешное осуществление объединения грузинских земель в единое государство.

В 1008 г., как уже отмечалось, Баграт III закрепил за собой ту часть «Картвельского» царства, которая непосредственно принадлежала его отцу «царю царей» Гургену, а в 1010-1011 гг. в состав объединенного Грузинского царства вошли Кахети и Эрети. Этим самым, в основном, завершился процесс образования единой грузинской монархии. За его пределами оставались лишь владения тбилисских эмиров, а также Южное Тао, отторгнутое от Грузии Василием II в 1001 г.

Появление мощного Грузинского государства значительно изменило соотношение сил в Закавказье и Ближнем Востоке. В лице объединенной Грузии на международную арену вышла достаточно серьезная политическая сила, которая сразу же начала играть активную роль в Закавказье и вне его пределов. Это не могло не вызвать определенную реакцию со стороны соседей. Первым против грузинского царя выступил Ганджа-Аран, правитель которого Фазл (Фадл) б. Мухаммед (985-1031 гг.) всемерно старался установить свой контроль над большой частью Восточного Закавказья. Грузино-ганджийские отношения, по-видимому, особенно обострились после того, как Баграт III овладел Кахети и Эрети. Именно в это время начал свои набеги на грузинские земли Фадл. В историографии, на наш взгляд, не совсем верно отмечено, что эти набеги носили всего лишь грабительский характер и не преследовали каких-либо политических целей.² Нам представляется, что, учитывая масштабы внешнеполитической деятельности Ганджийс-

кого правителя, о чем свидетельствуют как армянские (Вардан), так и арабские (Ибн ал-Асир) авторы,¹ Фадл преследовал именно определенные политические цели. В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что активные действия Фадла, как уже было отмечено, начались после того, как Баграт III присоединил Кахети и Эрети к своему государству. Баграт III в союзе с Анийским царем Гагигом не только успешно отбил вылазку Фадла, но и вообще вынудил его признать свое полное поражение, заставив подписать соглашение, по которому ганджийский эмир практически признавал верховенство грузинского царя и обязывался выплачивать «хараджу» в пользу него.² Победа над Фадлом еще больше подняла авторитет Баграта III в Закавказье. По-видимому, именно этот успех дал повод историку XI в. Сумбату Давидис-дзе приписать Баграту «завоевание всего Кавказа от Джикети до Гургана» и объявить «Адарбаган и Шарван данниками» Грузии.³

Единое грузинское государство с самого начала довольно активно сотрудничало с армянским миром и особенно с анийскими Багратидами, ярким проявлением чего был совместный поход Баграта III и Гагика I против общего врага ганджийского эмира Фадла. Это было своего рода продолжением той политики, которую вел в этом направлении Давид Куропалат. Как известно, могущественный таойский владетель неоднократно подключал армянских лидеров в реализации своих внутри и внешнеполитических мероприятий.

Достаточно активно выступало объединенное Грузинское царство и в отношениях с Северным Кавказом. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, исследователи все же находят отдельные косвенные данные, подтверждающие определенное влияние Грузинского государства в период

¹ Мухелишвили Д.Л., Основные вопросы исторической географии, II, Тб., 1980, с. 229-230 (на груз. яз.).

² Топурия П.А., Государственные образования..., с. 189.

¹ Топурия П.А., Государственные образования..., с. 189.

² Картлис цховреба, т. I, с. 280; Летопись Картли, с. 60.

³ Картлис цховреба, т. I, с. 282.

царствования Баграта III и за пределами Главного Кавказского хребта.¹

Таким образом, осмыслив весь спектр внешнеполитических отношений Грузии на рубеже X-XI вв., есть все основания присоединиться к заключению известного американского кавказоведа К. Туманова о том, что Баграт III к концу своего царствования действительно «был наиболее сильным государем, а его царство наиболее могущественной державой на Кавказе».² Такое усиление Грузинского царства, естественно, не входило в интересы грозного «покровителя» Грузии – Византийской империи, которая все больше опасалась того, что единое Грузинское государство уже не будет терпеть верховенства Константинополя и при первом же удобном случае попытается освободиться и от его юридической «опеки». Такой удобный случай наступил во второй пол. 10-х годов XI в., когда разразился большой конфликт между Грузией и Византией.

¹ Об этом см. подробно: Мухелишвили Д.Л., Основные вопросы..., с. 235-238.

² С. Toumanoff. The Background to Manzikert, – The Proceedings of the 13-th International Congress of Byzantine Studies, Oxford, 1966, с. 425; Абдаладзе А.П., «Картлис цховреба» грузино-армянские отношения, Тб., 1982, с. 75.

Глава II

БОРЬБА ЕДИНОГО ГРУЗИНСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА ПРИОБРЕТЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 20-50-Х ГОДАХ XIV.

С образованием единой грузинской феодальной монархии главным направлением внешней политики Грузинского государства стала забота о полном освобождении страны от византийского протектората и приобретении национального суверенитета в международных отношениях. При Баграте III, по-видимому, еще не были созданы условия для достижения этой цели. Да и вряд ли было вообще целесообразно царю Баграту, всецело поглощенному внутривосточными делами, обострять отношения с империей. Наоборот, как уже отмечалось выше, интересы политического объединения страны требовали создания благоприятной международной обстановки, что было бы немыслимо в условиях конфронтации с Византией. Однако после того, как все преграды на пути объединения Грузии были успешно преодолены и в начале XI в. в основном завершился процесс формирования единого государства, изменились и внешнеполитические задачи Грузинского царства. Теперь уже, как справедливо отмечает Ш.А. Месхия, объединенная Грузия «должна была позаботиться об урегулировании внешних дел, в частности, отношений с Византией: Византия должна была почувствовать силу Грузии, признать ее суверенность и равноправие».¹ Выполнению этой важнейшей задачи была посвящена вся внешнеполитическая деятельность ближайших преемников Баграта III – Гиоргия I (1014-1027 гг.) и Баграта IV (1027-1072 гг.)

¹ Месхия Ш.А., Дидгорская битва, Тб., 1974, с. 22

В середине 10-х годов XI в. Византия завязла в трудную и продолжительную кампанию в Болгарии. Как известно, в течение почти 5 лет (1014-1019 гг.)¹ Василий II был занят усмирением Болгарского царства. Решающие события разыгрались в 1014 г., когда имперские войска разгромили основные силы болгарского царя Самуила². На протяжении последующих трех лет (1015-1017 гг.) Василий II продолжал опустошение Болгарии. Воспользовавшись осложнением обстановки на Балканах, куда всецело было приковано внимание константинопольских властей, Георгий I предпринял энергичную попытку вернуть отторгнутые Василием I в 1001 г. южнотаойские области.

Грузинские источники почему-то не зафиксировали вторжение войск грузинского царя в пределы Византийской империи, но прямое указание об этой акции Георгия I имеется у Яхьи Антиохийского и Аристакеса Ластивертци. По данным арабского автора, царь «абхазов» Георги овладел теми крепостями и областями, которые Давид Куропалат был вынужден завещать императору Василию II.³ В сочинении армянского историка также отмечается факт существования территориального спора между грузинским царем и византийским императором в это время, но, по Аристакесу, Георгий I оспаривал у Василия лишь те территории, которые якобы

император пожаловал Баграту III.¹ Опираясь на данные Яхьи Антиохийского, И.А. Джавахишвили это событие датировал 1014-1016 годами², однако эту датировку под сомнение поставил О.В. Цкитишвили, который, полагая, что Георгий I сперва должен был позаботиться о воссоединении отторгнутого в начале его царствования – Кахети-Эрети, и лишь затем идти на Византию, расширил хронологические рамки возможного проведения последней акции – 1014-1018 гг.³ В свое время не согласившись с данной точкой зрения О.В. Цкитишвили, мы отметили, что Георгий I, видимо, не ставил перед собой такую альтернативу. Он, скорее всего, пошел на некоторые уступки в вопросе Кахети-Эрети и, может быть, официально даже признал суверенитет царя «кахов и ранов», чтобы не упустить благоприятный момент для возвращения «наследства» Давида Куропалата.⁴ Исходя из этого, вслед за И.А. Джавахишвили мы предположили, что активизацию действий Георгия I следует датировать именно 1014-1016 гг., когда у Василия II все еще были определенные трудности в болгарской кампании, а не 1016-1018 гг., когда империя достигла значительных успехов на балканском фронте.⁵

¹ **Аристакес Ластивертци**. История, Грузинский перевод с исследованием, комментариями и указателями издала **Цагарейшвили Е.В.**, Тб., 1974, с. 42

² **Джавахишвили И.А.**, История грузинского народа, т. II, с. 134. Эту датировку принял и В.Н. Габашвили (См. **Габашвили В.Н.**, Из истории грузино-египетских взаимоотношений (XI-XII вв.), – «Вопросы истории Грузии XII века», Труды ТГУ, т. 125, Тб., 1968, с. 66 (на груз. языке).

³ **Цкитишвили О.В.**, Материалы к истории внешней политики в эпоху Георгия I, – «Мацне», серия истории, №4, 1968, с. 118-119 (на груз. языке). Такую же датировку предлагает и Г. Буачидзе (См. Буачидзе Г., Грузия, Византия и., с. 43).

⁴ **Папаскири З.В.**, Возникновение..., с. 106.

⁵ **Папаскири З.В.**, Возникновение..., с. 106 Об этом см. также: **Лордкипанидзе М.Д.**, Внутреннее и внешнее политическое положение..., с. 176, примеч. 2; **Силагадзе В.Г.**, Арабское господство в Грузии, Тб., 1991, с. 189; **Буачидзе Г.**, Грузия, Византия и., с. 41-43.

¹ **Литаврин Г.Г.**, Внутренняя и внешняя политика Византии..., с. 223

² Там же.

³ **Розен В.Р.**, Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил барон В. Розен, СПб., 1883, с. 63; **Цкитишвили О.В.**, Материалы к истории внешней политики Грузии в эпоху Георгия I. – «Мацне», серия истории, №4, Тб., 1968, с. 127; **Силагадзе В.Г.**, Сведения Яхьи Антиохийского..., с. 116. Новый, уточненный перевод интересующего нас отрывка из сочинения Яхьи Антиохийского предложил недавно Г. Буачидзе (См. **Буачидзе Г.**, Грузия, Византия и Фатимидский халифат. Дипломатия и политическая борьба в 1014-1023 гг. – «Грузинская дипломатия» (ежегодник), т. 4, Тб., 1997, с. 39 (на груз. языке).

Что же касается сомнений О.В. Цкитишвили относительно реальности проведения военной акции Гиоргием I против Византийской империи в период болгарской кампании вообще¹, то они нам кажутся совершенно беспочвенными. Аргументом здесь не может служить то обстоятельство, что у грузинского царского двора в это время были более неотложные задачи, в частности, проблема возвращения Кахети-Эрети в лоно единой грузинской государственности, без решения которой, по мнению О.В. Цкитишвили, якобы не имело никакого резона думать об отнятых Византией в 1001 г. территориях. Мы полагаем, что в сложившейся тогда военно-политической обстановке грузинское руководство вполне могло временно отложить дело воссоединения Кахети-Эрети и предпочтению отдать возвращению южнотаойских территорий. Нельзя также придавать решающее значение тому факту, что грузинские хроники молчат о военном демарше грузинского царя.² У нас имеются и другие факты военно-политической активности Гиоргия I, в достоверности которых невозможно усомниться, которые почему-то не нашли места в сочинениях грузинских летописцев. В этой связи чего стоит один только факт вмешательства Гиоргия I во внутривосточные дела Армении после смерти анийского царя Гагика I (1017 г.), о котором так подробно рассказывает никто иной,

¹ Эти сомнения О.В. Цкитишвили впервые были высказаны еще в 1968 г. (см. его «Материалы к истории внешней политики в эпоху Гиоргия I», с. 118-119), но более категорично они были оглашены ученым в своей рецензии к нашей диссертационной работе, опубликованной затем в «Известиях АН Грузии» (см. «Мацне», серия истории, №4, 1991, с. 183-185.).

² На необоснованность отрицания того или иного факта из деятельности Гиоргия I лишь по причине их отсутствия в грузинских источниках, на наш взгляд, совершенно справедливо указали В.Г. Силагадзе и Г. Буачидзе. **Силагадзе В.Г.**, Арабское господство..., с. 189; **Буачидзе Г.**, Грузия, Византия и..., с. 54.

как почти современник этих событий, известный армянский историк Аристакес Ластивертци.

Таким образом, мы не видим никаких поводов, усомниться в достоверности сообщений Яхьи Антиохийского и отрицать проведение Гиоргием I военной акции против империи в период обострения ситуации в Болгарии. В этом тем более нет необходимости теперь, когда исследователи в арабских источниках нашли новые сведения, подтверждающие реальность оккупации грузинским царем некоторых территорий, принадлежавших в свое время Давиду Куропалату. Мы имеем в виду сообщения арабского автора Ибн ал-Адима, введенные в научный оборот недавно Г. Буачидзе и свидетельствующие о владении грузинами накануне начала грузино-византийской войны 1021-1022 гг. Манаскертом.¹ Исходя из всего вышеизложенного, думаем, не должно вызывать никакого сомнения то, что еще в начале своего царствования, воспользовавшись занятостью византийских властей болгарскими проблемами, Гиоргий I вторгся в пределы империи и вернул бывшие владения Давида Куропалата. Византийский император, конечно, не мог оставить без ответа дерзкий поступок грузинского царя. Это хорошо понимали в Грузии, где, по-видимому, велась активная подготовка к отражению византийского нашествия. Анализ соответствующих материалов из византийских (Георгий Кедрин), армянских (Аристакес Ластивертци) и арабских (Яхья Антиохийский) источников, дает возможность говорить о том, что Гиоргий I попытался создать широкомасштабную антивизантийскую коалицию. Не вызывает никакого сомнения участие в ней армянского царя Иована-Сумбата. Помимо прямого указания Георгия Кедрина², об этом могут свидетельствовать некоторые косвенные данные из сочине-

¹ Буачидзе Г., Грузия, Византия и..., с. 52-54.

² Георгика, V, с. 59.

ния Аристакаеса Ластивертци, в которых совершенно четко отражен характер взаимоотношений между Георгием I и анийским царем Иованом-Сумбатом.¹ Из этих сведений ясно видно, что Георгий I определенно контролировал политическую ситуацию в Анийском царстве и, в отдельных случаях, даже энергично вмешивался во внутренние дела этого государства. Более того, смело можно констатировать, что Иован-Сумбат вообще стал царем благодаря активной поддержке Георгия I. Потерпевший поражение в борьбе за царский престол, брат Иована-Сумбата, Ашот был вынужден покинуть страну и обратиться за помощью к византийскому императору.² В Константинополе, по-видимому, трезво оценили всю опасность грузино-армянского альянса и немедленно постарались противопоставить союзнику Георгия I – Иовану-Сумбату – его брата, и с этой целью оказали ему должную помощь, благодаря чему Ашоту удалось овладеть многими городами и крепостями.³ Вне всякого сомнения, поддержка, оказанная византийцами Ашоту в борьбе против своего брата, ставила целью ослабление прогрузинских сил в Ани. Со своей стороны, этот шаг Василия II, должно быть, еще больше укрепил союз Иована-Сумбата с Георгием I⁴ и толкнул его на участие в войне царя «абхазов» и «картвелов» против империи. Так, видимо, было положено начало грузино-византийскому противостоянию в Армении, которое особенно обострилось в середине 40-х годов XI века.

В антивизантийскую коалицию, организованную грузинским царем, вошло также Ванандское царство, нахо-

¹ «Повествование» Вардапета Аристакаеса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарии и приложения К.Н. Юзбашяна М., 1968, с. 59-60.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Степаненко В.П., К идентификации личности веста..., с. 164.

дившееся в вассально-зависимых отношениях с Анийским царством.¹ Несмотря на то, что нет прямых указаний в источниках, предполагается участие в коалиции и Васпураканского царства.² Обращено внимание, во-первых, на то, что васпураканский царь Сенекерим Арцруни находился в близких родственных отношениях с грузинским царем – он был тестем Георгия I.³ В этой связи, считают также неслучайным тот факт, что византийцы упразднили Васпураканское царство сразу же после завершения грузино-византийской войны 1021-1022 гг.⁴ Если добавить к этому и участие – на начальном этапе – васпураканского царя в антиправительственном мятеже Никифора Фоки и Никифора Ксифия, о чем сообщает Аристакаес Ластивертци,⁵ то возможность вступления Сенекерима Арцруни в антивизантийскую коалицию нам представляется почти неоспоримой.

¹ История армянского народа, ч. I, Под ред. Б.Н. Аракеляна и А.А. Иоанесяна, Ереван, 1951, с. 151; **Успенский Ф.И.**, История Византийской империи, глава XXIV. Походы на Сирию и Армению. Западные границы империи. Последние представители династии. – Опубликовано О.В. Цкитишвили в «Мацне» («Вестник АН Грузии», серия общественных наук, №4, 1968, с. 130-132); **Цкитишвили О.В.**, Материалы к истории внешней политики в эпоху Георгия I, – «Мацне», серия истории, №4, 1968, с. 121-122 (на груз. языке); **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские политические взаимоотношения, с. 104

² **Розен В.Р.**, Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил барон В. Розен, СПб, 1883, с.379, примеч.376; **Цкитишвили О.В.**, Материалы к истории... с. 122, 124; **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские политические взаимоотношения, с. 104-106; **Лордкипанидзе М.Д.**, Внутри и внешнеполитическое положение..., с. 177.

³ «Картлис цховреба» т. 1, с. 299; «Летопись Картли»..., с. 68

⁴ **Розен В.Р.**, Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского..., с. 379, примеч. 376; **Юзбашян К.Н.**, Скилица о захвате Анийского царства..., с. 79; **Цкитишвили О.В.**, Материалы к истории..., с. 122, 124; **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские политические взаимоотношения, с. 104-106.

⁵ «Повествование»..., с. 64

Помимо ближайших соседей Гиоргий I установил контакты и с Египетским фатимидским государством – традиционным соперником Византии на Ближнем Востоке. Сообщение об этих связях, как известно, сохранилось в сочинении Яхьи Антиохийского.¹ Все исследователи (В.В. Розен, В.Н. Габашвили, В.У. Копалиани, О.В. Цкитишвили, М.Д. Лордкипанидзе, Е.В. Цагареишвили, В.Г. Силагадзе и др.), которые касались данного сообщения, не сомневаются в его достоверности и считают вполне реальным наличие контактов между Грузией и Египтом.² Данный факт совершенно обоснованно рассматривается, как свидетельство выхода Грузинского царства на большую международную арену.³

Несмотря на такую солидную дипломатическую подготовку, Гиоргию I все же не удалось сдержать натиск византийского императора Василия II, по всей вероятности, удалось внести разлад в коалицию. Во-первых, неожиданно исчез египетский халиф Ал-Хаким,⁴ после чего грузино-египетский военно-политический союз не состоялся. Нам неиз-

¹ **Розен В.Р.**, Император Василий Болгаробойца, с. 61-62; **Цкитишвили О.В.**, Материалы к истории..., с. 115-117; **Силагадзе В.Г.**, Сведения Яхьи Антиохийского..., с. 116; **Буачидзе Г.**, Грузия, Византия и Фатимидский халифат..., с. 39.

² **Габашвили В.Н.**, Из истории грузино-египетских взаимоотношений..., с. 66; **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские..., с. 92-93; **Лордкипанидзе М.Д.**, Внутри- и внешнеполитическое положение..., с. 177; **Цагареишвили Е.В.**, Аристаке Ластивертци и его «История». – В кн.: Аристаке Ластивертци. История, с. 27 (на груз. языке). В последнее время молодой исследователь Г. Буачидзе на основании скрупулезного анализа византийско-египетских взаимоотношений в конце X и в начале XI вв. пришел, на наш взгляд, к вполне аргументированному выводу о том, что Гиоргий I мог обратиться к халифу Ал-Хакиму с предложением о создании антивизантийского военно-политического союза в 1020 г. **Буачидзе Г.**, Грузия, Византия и Фатимидский халифат..., с. 44-50.

³ **Цкитишвили О.В.**, Материалы к истории..., с. 125.

⁴ По данным Яхьи Антиохийского, это произошло 13 февраля 1021 года. – **Силагадзе В.Г.** Сведения Яхьи Антиохийского..., с. 120, примеч. II.

вестно также, насколько активно участвовали армянские политические единицы в грузино-византийской войне. Предполагают (В.У. Копалиани), что Анийское царство также вышло из войны.¹ Так или иначе, война 1021-1022 гг. завершилась поражением грузинского царя. По заключенному между воюющими сторонами в Трапезунде мирному договору, Грузия отказалась от южнотаойских областей, принадлежавших Давиду Куропалату.² Гиоргий I фактически был вынужден признать верховенство Константинополя, отправив туда сроком на 3 года юного наследника престола Баграта.

Однако это отнюдь не означало, что Гиоргий I окончательно капитулировал перед Византийской империей. Наоборот, как показали последующие события, грузинский царь зорко следил за политической обстановкой, как в Византии, так и вне ее и ждал подходящего момента для ответного удара. Об этом свидетельствует его связь с очередным антиправительственным мятежом, вспыхнувшим в империи в 1025 году и возглавляемом Никифором Комниным – правителем Васпуракана. В свое время, в 1022 г. – в разгар грузино-византийской войны, как известно, Гиоргий I также поддержал антимакедонское восстание и попытался воспользоваться им. Но ни тогда и ни в 1025 г. из этого ничего не вышло. Правящей династии удалось подавить эти выступления и жестоко наказать главных виновников. В этой связи симптоматичным является тот факт, что в 1022 г. Василий II голову убитого

¹ **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские политические..., с. 106-107.

² Именно в это время завершилось на базе «наследства» Давида Куропалата оформление византийской административной единицы – фемы «Иверия». Об этом см.: **Арутюнова-Фиданян В.А.**, Из истории северо-восточных областей Византийской империи в XI в. – «Историко-филологический журнал», 1972, №1, с. 95; **Бартикян Р.М.**, О феме «Иверия». – «Вестник общественных наук АН Армянской ССР», 1974, №12, с. 69; **Юзбашян К.Н.**, Армянские государства эпохи Багратидов и Византия..., с. 149.

Ксифием Никифора Фоки отослал именно Гиоргию I.¹ В 1025 г. после подавления мятежа, Константин VIII, сменивший в это время на престоле своего покойного брата Василия II, сразу отреагировал на участие Гиоргия I в заговоре Никифора Комнина и постарался предотвратить возвращение царевича Баграта, у которого к этому времени истек срок пребывания в Константинополе, на родину.² Этим самым неудачно завершилась еще одна попытка выйти из-под контроля византийских властей. Но, как видно, грузинский царь и после этого не переставал думать о пересмотре условий договора 1022 г. и, по-видимому, готовился к новой схватке с империей. Данное наше предположение основывается на интерпретации одного, более чем странного сообщения «Матиане Картлиса», которое, на первый взгляд, ничего общего не имеет с византийской политикой Георгия I. Мы имеем в виду сообщение грузинской хроники о второй жене царя Гиоргия, овсской царевне, имя которой – Алда – сохранилось в византийских источниках (Георгий Кедрин).³ Вся странность данного сообщения состоит в том, как при здравствующей царице Мариам – дочери Васпураканского царя Сенекерима Арцруни, которая, кстати, пережила не только своего мужа, но и своих детей,⁴ христианский монарх Гиоргий I мог иметь еще и вторую жену. Мысль о том, что Алда могла быть незаконной женой грузинского царя, весьма сомнительна. Автор «Матиане», который несмотря на свою объективность, все же являлся официальным историографом и, в целом, безусловно, защищал интересы восседавших на троне царей, в этом случае Баграта IV, против которого выступал царевич Деметрэ, – «другой сын (царя Гиоргия I –

¹ Розен В.Р., Император Василий Болгаробойца, с. 65; Силагадзе В.Г., Сведения Яхьи Антиохийского..., с. 117.

² Картлис цховреба, т. I. с. 289, 385.

³ Георгика..., т. V, с. 5.

⁴ Картлис цховреба, т. I. с. 314; «Летопись Картли», с. 76.

З.П.) – от второй жены, дочери овсского царя»,¹ не преминул бы воспользоваться этим фактом в целях доказательства необоснованности претензии царевича Деметрэ на царский престол, и, скорее всего, объявил бы мать царевича Деметрэ не второй женой царя, а просто наложницей. Трудно представить, что Алда, как представительница достаточно авторитетной на Кавказе царской династии, могла претендовать лишь на роль незаконной жены. Следует учесть, что в XI-XII вв. представительницы овсской династии (Борена, Бурдухан) не раз становились царицами Грузии. Каким же образом тогда надо объяснить сообщение «Матиане»?

В свое время, рассматривая данное сообщение грузинского летописца в свете грузино-овсских взаимоотношений, мы впервые попытались дать разгадку этой тайны из семейной жизни Гиоргия I.² Однако тогда нами была выдвинута лишь идея, увязать этот факт с антивизантийской политикой царя Гиоргия, без соответствующего научного обоснования. В дальнейшем же, более детальное изучение некоторых косвенных данных грузинских источников, дали возможность подкрепить новыми аргументами выдвинутую нами гипотезу и по-новому осветить ряд вопросов внешней политики Грузии в 20-е – начале 30-х годов XI в.

Мы полагаем, что в данном сообщении грузинского летописца отражен реальный факт – женитьба Гиоргия I на овсской царевне. По нашему мнению, Гиоргий I попытался

¹ Картлис цховреба, т. I. с. 295; «Летопись Картли», с. 66 (курсив наш – З.П.).

² См. Папаскири З.В., Грузия и Восточная Европа в XI-XII вв. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук., М., 1978, с. 12; Его же: У истоков грузино-русских..., с. 49-51. Этот вопрос рассматривается также в опубликованной недавно статье И.Р. Джичоная (См. Джичоная И.Р., Материалы «Летописи Картли» о народах Северного Кавказа и грузино-северокавказских взаимоотношениях в VIII-XI вв. – «Исторические разыскания» (Ежегодник), т. II, Тбилиси, 1999, с. 54-57 (на груз. языке).

осуществить примерно то, что сделал в начале XII в. его правнук Давид IV Строитель, который, как полагают ученые (И.А. Джавахишвили, З. Авалишвили, Ш.А. Бадридзе и др.),¹ в целях установления военно-политических контактов с половцами, развелся с первой женой – армянкой² – и женился на Гурандухт – дочери половецкого хана Атрака Шараганидзе. Нам представляется, что последовательное осуществление антивизантийского политического курса требовало от грузинского царя кардинальных, порой неординарных решений. Таковым следует считать попытку Гиоргия I, путем династического брака установить военно-политические контакты с Овесским царством, с целью вовлечения этого, довольно мощного объединения на Кавказе в антивизантийскую коалицию. Почему был избран именно этот путь? На наш взгляд, имеется ряд прямых и косвенных указаний в источниках, свидетельствующих о нелояльности царицы Мариам к резкому антивизантийскому курсу своего мужа. В этой связи, прежде всего, привлекают внимание события, последовавшие за неожиданной смертью еще совсем молодого царя Гиоргия и роль в этих событиях вдовствующей царицы, ставшей в это время фактической правительницей страны.

Как известно, сразу же после смерти Гиоргия I в 1027 г. в Грузии резко обострилась политическая ситуация. Часть таойских азнауров покинула страну и обратилась за помощью

¹ Джавахишвили И.А., История, т. II, с. 219-220; Авалишвили З., Со времен крестоносцев, Париж, 1929, с. 26 (на груз. языке); Бадридзе Ш.А., Грузия и крестоносцы, Тбилиси, 1973, с. 15-18 (на груз. языке).

² Сообщение о первой жене Давида Строителя, армянке по происхождению, сохранилось только в сочинении Маттэоса Урхаеци. Об этом см. Давлианидзе Л., Сведения Маттэоса Урхаеци о Давиде Строителе, – в сб.: «Грузия в эпоху Руставели», Тб., 1966, с. 244 (на груз. языке); Бартикян Р.М., Хронография Матфея Эдесского о Грузии и грузинах, – «Византиноведческие этюды», Тб., 1978, с. 145.

к византийскому императору, который, воспользовавшись этим, немедленно направил в Грузию «бесчисленное войско». Другая часть феодалов оказала упорное сопротивление византийским силам. Страна фактически разделилась на два лагеря: одни – Липарит – Клдекарский эристав, Саба Мтбевари (епископ Тбетский), Эзра Анчели и их сторонники – остались верными политическому курсу Гиоргия I, в то время как Ваче Каричис-дзе, Иованэ Банели, Чанчахи Палели (эристав Шавшетский), Арджеван Хололас-дзе примкнули к византийцам и передали им свои крепости. «И в это время... – пишет автор «Матиане Картлиса», – были сражения, междоусобицы и взаимные набеги».¹ После смерти Константина VIII, который накануне все же отозвал греческие войска из Грузии, в стране наступило относительное спокойствие, хотя мир с империей был достигнут не сразу. Как указывают грузинские хроники – «Матиане Картлиса», сочинение Сумбата Давидисдзе – лишь на третьем году царствования Романа Аргира (1028-1034 гг.) «отправилась царица Мариам, мать Баграта, царя абхазов, в Сабердзсети (т.е. Византию – З.П.) искать мира и единения, а также добиваться чина куропалата для своего сына, как того требовали обычай и порядок, (действовавшие) в их (царском) доме и привести для сына жену».² Визит царицы Грузии завершился успешно, император «с радостью выполнил все ее желания: дал ей клятву... во имя единения и взаимной любви, утвердил золотой буллой, дал чин куропалата и в жены Баграту – царевну Елену».³ Этот отрывок из «Матиане», а также аналогичные сведения из хроники Сумбата, прямо свидетельствуют о том, что царица Мариам,

¹ Картлис цховреба, т. I. с. 293; Матиане Картлиса, перевод, введение, примечания М.Д. Лордкипанидзе, Тб., 1976, с. 46.

² Картлис цховреба, т. I. с. 294; Матиане Картлиса..., с. 47.

³ Картлис цховреба, т. I. с. 294; Матиане Картлиса..., с. 47.

выполнявшая, по всей вероятности, функции регента,¹ отнюдь не являлась продолжительницей политики своего покойного мужа. Наоборот, она всемерно добивается мира и единения с империей, т.е. установления византийского протектората над Грузией, внешним выражением чего является присвоение юному Баграту IV титула куропалата. Конечно, нельзя полностью отрицать, что данный шаг царицы Мариам мог быть вынужденным и продиктован исключительно интересами безопасности страны. Однако, нам кажется более вероятным, считать визит царицы Грузии в Константинополь и достигнутую там договоренность, реализацией политики противников антивизантийского курса Гиоргия I, а саму царицу – деятелем провизантийской ориентации. О византинофильстве Мариам свидетельствует и тот факт, что впоследствии (в 50-х годах XI в.), когда Баграту IV пришлось искать пути к примирению с империей, он отправился в Константинополь именно в сопровождении своей матери. Участие Мариам, давно уже (с начала 30-х годов, когда Баграт, достигнув совершеннолетия, сам занялся государственной деятельностью) не игравшей активной роли

¹ То, что царица Мариам после кончины своего венценосного супруга (в 1027г.) в качестве регента управляла страной не вызывает никакого сомнения. Следует отметить, что этот статус царицы Мариам подчеркивали такие видные ученые, как Г. Шлумберже и М. Канарь (**G. Schlumberger.** L'Europe byzantine a la fin du dixieme siecle, III, 1905, с. 139; **M. Canard.** Les sources Arabes de l'histoire Byzantine aux confins des X-e et XI-e siecles. – Melanges **R. Janin.** Revue des Etude Byzantine, XIX, 1961, с. 311. Указано по статье Г. Буачидзе, Эпизод из истории грузино-византийских взаимоотношений в «Истории» Яхьи Антиохийского, – «Грузинская дипломатия», (ежегодник), т. 3, Тб., 1996, с. 106 (на груз. яз.). Исходя из этого, пребывание царицы Мариам в Константинополе следует рассматривать как официальный визит главы государства, которая вела переговоры с византийским императором, как говорится, «на высшем уровне», а не как дипломатическую деятельность «чрезвычайного и полномочного», или, тем более, «аккредитованного посла», как это ошибочно полагает Л.В. Тухашвили (см. **Тухашвили Л.В.,** Очерки..., с. 39).

в политической жизни страны,¹ в переговорах с Византией, явно говорит о ее влиянии и авторитете при императорском дворе.

Говоря о связях царицы Мариам с правящими кругами империи, нельзя не обратить внимание и на следующее обстоятельство: в Византии определенным весом пользовался отец Мариам, бывший васпураканский царь Сенекерим Арцруни, который, оказав большую услугу Василию II в 1022 г. в подавлении мятежа Никифора Фоки и Никифора Ксифия,² по-видимому, стал верным слугой императора. Хотя в источниках нет никаких данных по этому поводу, но не исключено, что византийские власти могли воспользоваться авторитетом Сенекерима, чтобы через него оказать давление на царицу Мариам.

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно смело утверждать, что имеются более чем достаточные основания для объявления царицы Мариам противницей активного антивизантийского курса своего мужа. Царь Гиоргий являлся непримиримым врагом Византии и проводил ярко выраженную антиимперскую политику, в то время как царица Мариам, придя к власти, взяла противоположный курс и пошла на сближение с Константинополем. Возможно, что подобное разногласие между супругами имело место еще при жизни царя и это стало причиной семейного конфликта. Может быть, деление страны на два лагеря после смерти Гиоргия I, есть деление страны на сторонников царя и сторонников царицы. Т.е. совершенно возможно, что еще при жизни мужа, царица Мариам возглавляла провизантийскую группировку и выступала против политики своего супруга. Может быть,

¹ Начиная с 30-х годов до сер. 50-х XIв. царица Мариам упоминается в источниках только лишь в связи с событиями 1045г. в Армении, когда Баграт IV, используя армянское происхождение своей матери, попытался овладеть Ани.

² **Аристатес Ластивертци,** История..., с. 49.

именно это обстоятельство толкнуло Гиоргия I пойти на разрыв с царицей и жениться на овсской царевне.

Однако эта затея грузинского царя, видимо, не увенчалась успехом. Гиоргий I, в отличие от своего могущественного правнука, не располагал такой властью, чтобы повлиять на официальную церковь и добиться развода с Мариам и признания Алды в качестве царицы Грузии. Думаем, что католикос Грузии и его окружение в конфликте между Гиоргием и Мариам могли занять сторону царицы, так как они, вообще, придерживались провизантийской ориентации.¹ Такому выводу вовсе не противоречит тот факт, что некоторые церковные деятели (Саба Мтбевари, Эзра Анчели) явно стояли на стороне антиимперских сил. Есть все основания думать, что большая часть церковников, во главе с католикосом, выступала против центростремительных тенденций царского двора и в этой своей борьбе стремилась опереться на Византию. В этой связи большой интерес представляют данные из «Дацерили» («Писанье») католикоса Мелкиседека, в котором перечислены драгоценные иконы и другие вещи, подаренные автору «Писанья» византийскими императорами Василием II, его преемниками Константином VIII и Романом Аргиром. Отмечен также факт пожалования Василием II грузинскому католикосу монастыря с селом.² Более того, в одной из (т.н. «Теймуразовской») рукописей «Картлис цховреба» прямо указывается, что эти подарки глава грузинской церкви

¹ В свое время, акад. Н.А.Бердзенишвили в одной из своих обобщающих работ также пришел аналогичному заключению, но из-за характера работы не счел нужным привести аргументы для его научного обоснования (Бердзенишвили Н.А., Политическое объединение грузинских земель. – В кн.: Бердзенишвили Н.А., Вопросы истории Грузии, т. VI, Тб., 1973, с. 22(на груз. яз.). Противоположного взгляда по этому вопросу придерживался В.У. Копалиани, по мнению которого, руководители грузинской церкви не должны были выступать контрагентами империи (Копалиани В.У., Грузино-византийские..., с. 148-158).

² Бердзенишвили Н.А., Мцхетский документ XI века. – В кн.: Бердзенишвили Н.А., Вопросы истории Грузии, т. IV. Тб., 1967, с. 281-283 (на груз. яз.).

получал во время своих визитов в Константинополь, где он лично встречался с вышеназванными императорами.¹ И, наконец, по сообщению Яхьи Антиохийского католикос Грузии принимал активное участие в переговорах «на высшем уровне», которые велись в Константинополе между царицей Грузии Мариам и императором Романом Аргиром.²

Эти данные, на наш взгляд, явно указывают на то, что церковный лидер Грузии был в довольно неплохих отношениях с Константинополем и это в то время, когда правительство Гиоргия I вело непримиримую борьбу против Византии. Не случайным кажется нам и тот факт, что в данном документе не упоминается Гиоргий I, хотя его отец Баграт III для автора весьма близкий человек – католикос его называет своим воспитателем и получает от него подарки.³ Если учесть, что самый большой отрезок времени (1014-1027 гг.) пребывания Мелкиседека на посту главы грузинской церкви (1010-1035 гг.,⁴ по некоторым данным 1010-1033гг.),⁵ падает на царствование Гиоргия I, то его отсутствие в «Писанье» более чем удивительно. Если царь Гиоргий делал какие-нибудь пожалования в адрес Мцхетского католикоса, то Мелкиседек был обязан упомянуть об этом. Т.е. получается, что Баграт III Куропалат, не проводивший, как мы уже отметили, активную антивизантийскую политику; императоры, которые стремились подчинить своей власти объединенную Грузию, делают подарки Мелкиседеку, а Гиоргий I, ярый враг империи, не делает этого. Все это, по-видимому, не случайно и явно свидетельствует о том, что царь и католикос не были единомышленниками в вопросах внешней политики. Не

¹ Картлис цховреба., т. I, с. 282, 290, 294.

² Об этом подробно см.: Буачидзе Г., Эпизод из истории грузино-византийских..., с. 36.

³ Бердзенишвили Н.А., Мцхетский документ., с. 28.

⁴ Какабадзе С.Н., Еще раз о датировке построения Светицховели, – «Исторический сборник», 1929, примеч. 114.

⁵ Бердзенишвили Н.А., Мцхетский документ., с. 244.

должно быть сомнений в том, что католикос Мелкиседек являлся политиком провизантийской ориентации, т.е. союзником царицы Мариам. Возможно, именно они – католикос и царица – возглавляли тот лагерь, который выступал против антивизантийского курса Гиоргия. В таком случае, Гиоргий I вряд ли смог бы осуществить свой план – развестись с Мариам и сделать царицей вторую жену Алду. Не исключено, что неожиданная смерть еще совсем молодого Гиоргия, вообще, каким-то образом, связана с осуществлением данной затеи царя. Исходя из вышеизложенного, мы не можем согласиться с бытующим в науке (В.Н. Габашвили) мнением о том, что мирный договор 1030-1031 гг.,¹ подписанный в Константинополе царицей Мариам, следует признать определенным успехом грузинской дипломатии.² Достигнутое с империей соглашение, на наш взгляд, означало, прежде всего, победу провизантийских сил во внутривосточной борьбе, а не дипломатический успех Грузинского государства в целом. Конечно, трудно сказать, насколько было бы обоснованным и возможным, на этом этапе, продолжение антивизантийского курса Гиоргия I,³ но одно очевидно, при грузинском царском дворе не все были сторонниками примирения

¹ В последнее время, исследователь Г.Буачидзе, на основании данных Яхьи Антиохийского и некоторых других арабских источников предложил новую датировку подписания грузино-византийского мирного договора. По его мнению, это могло произойти не ранее конца 1028 и начала 1029 г. и не позднее марта 1030г. См.: **Буачидзе Г.**, Эпизод из истории..., с. 96-116.

² **Габашвили В.Н.**, Из истории..., с. 69.

³ В свое время, акад. И.А.Джавахишвили явно одобрял «мирную инициативу» царицы Мариам (**Джавахишвили И.А.**, История грузинского народа, т. II, с. 139). По мнению М.Д. Лордкипанидзе, в это время было невозможно продолжение борьбы с Византией. Это, конечно, не означало, что Грузинское царство окончательно отказалось от Южного Тао, но пока, отмечает М.Д. Лордкипанидзе, другого выхода не было (**Лордкипанидзе М.Д.**, Внутри и внешнеполитическое..., с. 181-182). Г. Буачидзе также отмечает бесперспективность дальнейшей коонфронтации с империей и курс царицы Мариам также считает более правильным (**Буачидзе Г.**, Эпизод из истории..., с. 114).

с Византией, поэтому, константинопольский мир оказался недолговечным. Вскоре после смерти юной царицы Елены, кардинально изменились отношения с империей. Баграт IV, женившись на овсской царице Борене и заручившись, по видимому, поддержкой Овского царства, возобновил антивизантийские действия, о чем, при полном молчании грузинских источников, недвусмысленно сообщает византийский автор XII в. Иоанн Зонара, по словам которого, «правитель абазгов Баграт... **нарушил** мир... римляне вновь вернули себе крепости и города».¹ Заслуживает особого внимания и то, что началу антивизантийской деятельности Баграта IV предшествовало сближение с Овским царством. Это служит еще одним доказательством того, что в свое время, Гиоргий I именно в целях продолжения антивизантийской политики попытался породниться с овским царским домом.

Рассуждая об этих вопросах, вообще нельзя не задуматься о том, что в 1027 г. смерть еще совсем молодого царя Гиоргия (правда, не сразу, но все же) вызвала изменение внешнеполитического курса. Пришедшая к власти провизантийская группировка во главе с царицей Мариам отказалась от конфронтации с Византией, признала ее верховенство и помирилась с нею. В 1032-1033 гг., после неожиданной смерти юной царицы Елены – главного связующего с Константинополем звена – также резко изменилось направление грузинской внешней политики. На этот раз Баграт IV, как видно взявший бразды правления страной в свои руки, возобновил антивизантийский курс своего отца. Все это заставляет думать о том, что смерть ни Гиоргия I и ни юной царицы Елены не была случайной. По всей вероятности, оба они стали жертвами той ожесточенной борьбы, которая велась при грузинском царском дворе между провизантийски и антивизантийски настроенными группировками.

¹ **Зонара Иоанн**, История. Греческий текст с грузинским переводом, подготовил к изданию и снабдил исследованием М. Кахадзе. – «Георгика»..., т. VI, Тбилиси, 1966, с. 235 (Курсив наш – **З. П.**).

При освещении этих вопросов мы считаем возможным увязать судьбу известного историка XI в., автора хроники о Багратионах – Сумбата Давидис-дзе с политическими событиями 20-х – начала 30-х годов XI в. Сочинение Сумбата Давидис-дзе совершенно справедливо признано одним из достоверных источников истории Грузии VI–XI вв. Со времен выявления этого памятника в 1884 г. в одном из списков (т.н. «список царицы Мариам» – XVII в.) свода «Картлис цховреба» известным грузинским историком, Д.З. Бакрадзе, в науке постоянно велось исследование различных вопросов, связанных с его историко-филологическим изучением (работы: Е.С. Такашвили, Д. Каричашвили, И.А. Джавахишвили, К.С. Кекелидзе, П.И. Ингороква, С.Г. Каухчишвили, К.Г. Григолия, М.Д. Лордкипанидзе, Ш.А. Бадридзе, Г. Гелашвили, З.В. Папаскири, Г.М. Арахамия и др.).¹ Наряду с другими

¹ Такашвили Е.С., Три исторические хроники, Тифлис, 1890, с. 9 (на груз. языке); Его же, Источники грузинских летописей – 3 хроники, – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XVIII, Тифлис, 1890, с. 42, 118, 174-175; Его же, Хроника Сумбата Давидис-дзе о Багратионах. Тао-Кларджети, – «Материалы по истории Грузии и Кавказа», т. 27, Тб., 1949, с. 11-16; Каричашвили Д., Кто был автором хроники Сумбата, – «Древняя Грузия», I, Тифлис, 1909, с. 36-42 (на груз. языке); Джавахишвили И.А., Древнегрузинская историческая литература, – в кн. И. Джавахишвили, Сочинения, т. VIII, Тб., 1977, с. 95-206 (на груз. языке); Кекелидзе К.С., История древнегрузинской литературы, т. II, Тб., 1981 (на груз. языке); Ингороква П.И., Краткий обзор истории древнегрузинской литературы, – в кн. Ингороква П.И., Сочинения т. IV, Тб., 1978, с. 430-431 (на груз. языке); Каухчишвили С.Г., Об источниках памятников «Картлис цховреба», – в кн. Картлис цховреба, Грузинский текст по всем основным рукописям, изд. С.Г. Каухчишвили, т. I, Тб., 1955 с. 34-36 (на груз. языке); Григолия К.Г., Очерки по источниковедению истории Грузии, Новая «Картлис цховреба», Тб., 1954, с. 234-235 (на груз. языке); Сумбат Давидис-дзе, История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечания М.Д. Лордкипанидзе, Тб., 1979, с. 18-21; Бадридзе Ш.А., «Картлис цховреба» о грузино-византийских взаимоотношениях первой трети XI в. – «Источниковедческие изыскания» (1979), Тб., 1984, с. 47-57; Гелашвили Г., Сумбат Давидис-дзе и «Матиане Картелиса», – Труды ТГУ, т. 87, Тб., 1960, с. 239-256 (на груз. языке); Папаскири З.В., Историк Сумбат Давидис-дзе и некоторые вопросы грузино-византийских взаимоотношений в первой трети XI в. – Материалы III республиканской конференции молодых ученых-обществоведов, Тб., 1981, с. 97-101 (на груз. языке); Арахамия Г.М., Сумбат Давидис-дзе и его историческое сочинение, – в кн. Сумбат Давидис-дзе, Жизнь и деятельность Багратионов, – Грузинский текст к изданию подготовил, исследованием, примечаниями и указателями снабдил Г.М. Арахамия, Тб., 1990, (на груз. языке).

вопросами внимание ученых, естественно, привлек вопрос о причинах большого текстуального сходства тех частей хроники Сумбата и другой летописи XI в. – «Матиане Картелиса», в которых изложена история грузино-византийской войны 1021-1022 гг. и последующие события. Определенный интерес вызвал также вопрос о политических настроениях Сумбата Давидис-дзе, при этом все исследователи, которые затрагивали данный вопрос, отмечали, что автор хроники о Багратионах является сторонником усиления царской власти и критически относится «к подлым делам» азнауров.¹ Однако, для доказательства этого, бесспорно, правильного вывода, ученые не совсем обоснованно ссылаются на высказывания Сумбата о «двуличии и коварстве» тех азнауров, которые толкнули Гиоргия I на войну с императором Василием II.² В данном случае, совершенно необязательно под этими азнаурами подразумевать тех, кто выступал против сильной царской власти. Наоборот, как видно из сведений самого Сумбата, а также из соответствующих материалов «Матиане Картелиса», эти азнауры, как раз, были активными сторонниками антивизантийской политики Гиоргия I, следовательно, считать их противниками сильной царской власти вряд ли правомерно. Поэтому замечание Сумбата об их «двуличии и коварстве» говорит совсем о другом, то есть о негативном отношении автора «Жизни Багратионов» к сторонникам антивизантийской политики царя. Мы полагаем, что Сумбат Багратиони, как представитель царствующей династии и, по видимому, близкий к царскому двору деятель, имел свое видение политической ситуации в Грузии, а это выражалось в том, что в условиях обострения грузино-византийских отно-

¹ Джавахишвили И.А., Древнегрузинская..., с. 195; Кекелидзе К.С., История древнегрузинской..., с. 251; Ингороква П.И., Краткий обзор..., с. 431; Папуашвили Т.Г., Историография, – в кн. «Очерки истории Грузии», т. III, Тб., 1979, с. 420 (на груз. языке).

² Картлис цховреба..., т. I, с. 384; Сумбат Давидис-дзе, Повествование..., с. 39.

шений он не разделял позицию тех, кто толкал царя на конфронтацию с империей. Наглядным свидетельством этого является его рассказ о событиях 1021-1022 гг., где, в отличие от своего коллеги – автора «Матиане», который совершенно беспристрастно и хладнокровно ведет повествование, он явно не в состоянии удержаться от эмоций и всемерно критикует антиимперские действия грузин. Более того, в его рассказе поражение грузин – «нарушителей клятвы и мира» – недвусмысленно объясняется как божья кара.¹

За мирное урегулирование грузино-византийского конфликта выступает Сумбат Давидис-дзе и в заключительной части своего сочинения, где он восторженно (опять-таки в отличии от автора «Матиане Картлиса») повествует о визите царицы Мариам в Константинополь и достигнутом ею там соглашении.² Особого внимания заслуживает тот факт, что сочинение Сумбата совершенно неожиданно прерывается именно на этом эпизоде.³ Нам это представляется неслучайным. Если осмыслим возникшую после этого визита в Грузию политическую ситуацию – внезапная смерть юной царицы Елены и последовавшее за ней резкое ухудшение грузино-византийских взаимоотношений, что, как уже было отмечено выше, было вызвано новым обострением борьбы между антивизантийскими и провизантийскими группировками и победой, на этот раз, сторонников антивизантийского политического курса, то кажется совершенно допустимым связать «неожиданное» прерывание повествования Сумбатов с этими событиями. Мы полагаем, что Сумбат – один из активных идеологов грузино-византийского сближения, возможно, попал в немилость к Баграту IV и даже стал жертвой репрессий, которые могли последовать после изменения внешнеполитического курса Грузинского царства.

¹ Картлис цховреба..., т. I, с. 384.

² Там же.

³ Джавахишвили И.А. Древнегрузинская историческая литература, с. 195.

Вместе с тем, «византинофильство» Сумбата Давидис-дзе отнюдь не означает того, что автор «Жизни Багратионов» ратует за завоевание византийскими императорами Грузии, наоборот, в своем сочинении он критикует Василия II за «содеянное» им в Южной Грузии, а также весьма не лестными эпитетами отзывается в адрес Константина VIII.¹ На наш взгляд, «византинофильство» Сумбата заключается в том, что он в конкретной исторической ситуации – в условиях грузино-византийского противостояния в 20-х годах XI в. – был на стороне тех, кто выход из кризиса видел в мирном решении проблемы, пусть даже за счет определенных уступок (признания верховенства Константинополя, отказ от «наследства» Давида Куропалата) со стороны грузинского государства и выступал с критикой антивизантийского курса Гиоргия I. В этом плане он несколько напоминает своего армянского коллегу Аристакеса Ластивертци, который, по справедливому замечанию К.Н. Юзбашяна, выступал не столько с осуждением великодержавной, захватнической политики византийских императоров по отношению к Армении, сколько оплакивал бедственный «конец страны нашей Армянской».² Несмотря на то, что некоторые исследователи³ не разделяют эту точку зрения К.Н. Юзбашяна, нам она кажется достаточно обоснованной, хотя по отдельным высказываниям Аристакеса, действительно, нелегко определить его позицию в целом. Однако не вызывает никакого сомнения, что в Армении, как и в Грузии, в первой половине XI в. совершенно отчетливо определилась провизантийски настроенная группировка и что византийской дипломатии удалось «уверить армянскую знать в дружественных намерениях империи».⁴

¹ Картлис цховреба., т. I, с. 386; Сумбат Давидис-дзе, Повествование..., с. 41-42.

² Юзбашян К.Н., Аристакес Ластивертци и его исторический труд..., с. 26-29.

³ Цагарейшвили Е.В., Аристакес Ластивертци и его «История»..., с. 24.

⁴ Юзбашян К.Н., Аристакес Ластивертци и его исторический труд..., с. 26-29.

Итак, в 20-х годах XI в. объединенное грузинское государство предприняло энергичные шаги для выхода страны из византийского протектората и приобретения национального суверенитета на международной арене. Несмотря на достигнутые в этом направлении отдельные успехи, Грузинскому государству на этом этапе все же не удалось осуществить эту задачу. Грузия, по-прежнему, оставалась «византийской страной», а с этим никак не могли смириться правящие круги Грузинского царства. Это привело к дальнейшему обострению грузино-византийских взаимоотношений в 30-50-х годах XI в., которое сопровождалось острой внутривизантийской борьбой феодальной оппозиции против царской власти.

Со смертью царицы Елены в 1032-1033 гг., как уже отмечалось, разорвалась та нить, которая связывала Грузию и Византию. Баграт IV, женившись на этот раз на дочери овского царя Урдурэ – Борене, сестре Дорголея,¹ круто изменил свою политику по отношению к империи. Данный брак грузинского царя следует рассматривать как важный политический и дипломатический успех. В лице овского царя Грузия приобретала достаточно сильного союзника, а это, в условиях намечающегося нового обострения отношений с Византией, имело большое значение, так как известны были случаи, когда империя успешно использовала алан-овсов в своих военно-политических интересах.² Немаловажным было и то обстоятельство, что, породнившись с овским царским домом, Баграт IV лишил своего сводного брата – царевича Деметрэ возможной поддержки со стороны сородичей его

¹ Картлис цховреба..., т. I, с. 295; Летопись Картли..., с. 66.

² Кулаковский Ю.А., Аланы по сведениям классических византийских писателей. – Оттиск из XII кн. «Чтения исторического общества Нестора-летописца», Киев, 1899, с. 53.

матери.¹ Союз с Овсетией дал первые плоды уже в 30-х годах, когда овсы осуществили ряд военно-политических акций, которые объективно отвечали интересам Баграта IV. Это, прежде всего овско-кахетинский конфликт, который по совершенно обоснованному мнению Г.Д. Тогошвили, был инспирирован «царем абхазов» и «картвелов».² Установление близких родственных отношений с Овским царством позволило Баграту IV активизировать свою деятельность на международной арене и приступить к осуществлению заветной мечты – освобождению от византийского диктата и возвращению южнокавказских областей. Выше уже говорилось о том, что грузинские источники молчат о каких-либо антивизантийских действиях Баграта IV в начале 30-х г. XI в. Исходя из этого, в грузинской историографии принято считать, что агрессивные действия византийцев по отношению к Грузии в 30-х – начале 50-х годов были вызваны, с одной стороны, неудовлетворенностью византийских властей условиями соглашения 1030-1031 гг.,³ а с другой – стремлением Константинополя, не допустить дальнейшего усиления власти Баграта IV.⁴ Однако, как это совершенно четко видно из уже приведенного нами сообщения Иоанна Зонары, мир 1030-1031 гг. первым был нарушен не византийской стороной, а Багратом IV, и что действия имперских властей были ответной реакцией на антивизантийские акции грузинского царя. Мы не видим никаких оснований усомниться в достоверности сообщения византийского автора и считаем, что зафиксиро-

¹ Тогошвили Г.Д., Из истории грузино-осетинских отношений (с древнейших времен до XIV в.), Сталинири, 1958, с. 132-134, 135 (на груз. языке).

² Тогошвили Г.Д., Из истории..., с. 132-133; Его же: К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI-XIII вв. – «Вопросы истории народов Кавказа» (Сборник статей, посвященный памяти З.В. Анчабадзе, Тб., 1988, с. 187.

³ Габашвили В.Н., Из истории грузино-египетских..., с. 69.

⁴ Лордкипанидзе М.Д., Внутри- и внешнеполитическое положение..., с. 184.

ванный в нем факт нарушения «правителем абазгов»¹ мира с Византией, означал наступление нового этапа борьбы грузинского царя за выход из под «опеки» Константинополя и обретение национального суверенитета в международных отношениях.

Византия, конечно, не оставила бы без внимания этот демарш непокорного куропалата, однако на этот раз пришлось довольствоваться лишь изгнанием войск Баграта IV и «освобождением» захваченных им крепостей и городов. Нанести более серьезные удары грузинскому царю Византия в это время, видимо, не могла. Следует вспомнить, что 30-е

¹ В связи с освещением этих событий, нельзя пройти мимо тех отдельных неточностей, допущенных во II томе «Истории Византии», где без всяких оговорок употребляются такие выражения, как «**Абхазская** знать» (которая в 1027 г. предъявила претензии на земли, приобретенные Василием II в Асфарагане), «наследник Георгия **Абхазского** Баграт» (с которым удалось заключить мир Роману Аргиру) и т.д. (История Византии, т. II, с. 270). И в другом месте этого издания мы встречаем упоминание «абхазов» («вышли из повиновения **абхазцы**, сербы...») – История Византии, т. II, с. 270 – курсив наш – З.П.) без соответствующих комментариев. Все это, естественно, может запутать несведущего читателя, который под этими «абхазами» будет воспринимать не Грузию и грузинский политический мир в целом, а «Абхазию» и «абхазов» в современном их понимании. Эта оплошность является следствием некритического осмысления данных византийских (отчасти армянских и восточных) источников (XI–XII вв.), в которых, как правило, «Грузию» и «грузин» называют «Абхазией» и «абхазами». Эти и другие неточности второго тома «Истории Византии» в свое время, были подвергнуты справедливой критике грузинских историков (см.: **Месхия Ш.А., Асатиани Н.Ш., Копалиани В.У., Хоштария Э.В.**, – Некоторые замечания ко второму тому «Истории Византии». – «Вопросы истории», №9, 1969, с. 178–180). Следует также отметить, что аналогичного рода оплошности допускал и акад. Ф.И. Успенский, который в своей «Истории Византийской империи» без какого-либо разъяснения нередко называет Гиоргия I – «царем Абхазии», а Давида – «царем Грузии». В одном месте же доходит до того, что пишет: «При наступлении зимы Василий II перевел свое войско в Трапезунд, имея намерение весной следующего года докончить завоевание **Абхазии и Грузии**» (См. «Мацне», №4, 1968, с. 130, Курсив наш – З.П.).

годы XI в. для империи были довольно тяжелыми. Византия «через 5 лет после смерти Болгаробойцы... не только прекратила наступление, но с трудом удерживала позиции и на Востоке и в Италии, и на Балканах».¹ Исходя из этого, имперские власти были вынуждены изменить свою тактику действий против Грузии. Они отказались от открытой военной экспансии и начали всемерно поддерживать, в том числе и военной силой, антиправительственные выступления феодальной оппозиции. В осуществлении этого плана византийцев, безусловно, большое значение имел побег сводного брата Баграта IV – Деметрэ в Константинополь и передача им византийской стороне Анакопийской крепости.² Царевич Деметрэ был большим приобретением для имперской дипломатии и она немедленно присвоила ему титул магистра,³ однако использовать его против своего венценосного брата удалось не сразу. Такой момент настал лишь в 40-х г. XI в., когда в Грузии вспыхнул крупный конфликт между царем Багратом и могущественным феодалом – Клдекарским эриставом Липаритом Багваши. Эта длительная междоусобица (в общей сложности она длилась почти 20 лет) значительно повлияла на внешнеполитическую активность Грузинского царства и не позволила Баграту IV осуществить ряд важных внутри- и внешнеполитических акций.

Первой такой акцией, которая из-за предательских действий Липарита Багваши не была доведена до логического конца, был поход Баграта IV в Кахетию. Именно в это время (в 1042 г.)⁴ впервые «вывел Липарит из Греции брата Баграта Деметрэ с войском греческого царя».⁵

¹ **Литаврин Г.Г.**, Внутренняя и внешняя политика Византии в 1025–1057 гг. – «История Византии», т. II, М., 1967, с. 270.

² Картлис цховреба., т. I, с. 295.

³ **Георгий Кедрин**, Хронография – «Георгика», т. V, Тб., 1963, с. 58.

⁴ **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские..., с. 190.

⁵ Картлис цховреба., т. I, с. 298; «Летопись Картли»..., с. 67.

Как видим, в конфликт между Багратом IV и клдекарским эриставом сразу же вмешалась Византия. На это, видимо, были веские причины. К этому времени Баграт IV особенно усилился. Он не только предпринял активные действия по отношению к тем грузинским регионам (Кахети-Эрети, Тбилисский эмират), которые всё еще оставались за пределами объединенного царства, но энергично начал выступать на международной арене, задев тем самым интересы Византии на Востоке. Особенно четко это проявилось в середине 40-х г. XI в. при решении т.н. «армянского вопроса».

Завоевание Армении давно было заветной мечтой византийских императоров. Первые реальные шаги в этом направлении Византия предприняла еще в 60-х г. X в., когда (в 966 г.) был присоединен Тарон.¹ После этого империя на время была вынуждена воздержаться от активной политики по отношению к Армении, однако с 20-х г. XI в. Константинополь вновь переходит в наступление и достигает значительных успехов в этом направлении. Зимой 1021-1022 гг. было упразднено и присоединено к империи Васпураканское царство.² В это же время была решена судьба и Анийского царства, так как царь Иован-Сумбат подписал завещание, по которому он завещал свое царство византийскому императору.³ В 1041 г. скончался Иован-Сумбат, и имперские власти сразу же приступили к закреплению его удела. Это чрезвычайно осложнило ситуацию в Армении. Антивизантийски настроенные нахарары во главе с Вахрамом Пахлавунни попытались оказать сопротивление византийцам два раза вторгшимся в 1041 г. в пределы Анийского царства.⁴ Наступление Византии вызвало обострение внутривизантийских

¹ Юзбашян К.Н., Армянские государства эпохи Багратидов..., с. 72-79.

² Степаненко В.П., О причинах и датировке передачи Васпуракана..., с. 72-79; Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 79.

³ Аристакеc Ластивертци, История..., с. 48.

⁴ Там же, с. 81.

противоречий в стране. В Ани четко оформились два противоборствующие – провизантийская и антивизантийская группировки.¹ В одно время власть захватил богатый и влиятельный феодал Саргис Хайказн. Воспользовавшись поддержкой Византии, он сначала стал регентом, а затем вовсе объявил себя царем. Но против него выступил его же родственник Вахрам Пахлавунни, который сумел посадить на царский престол легитимного наследника, племянника Иована-Сумбата – Гагика.² Коронация Гагика II, бесспорно, была поражением империи, поэтому была неприемлема и для Саргиса Хайказна. Конфликт между царем и влиятельным ишханом завершился пленением Саргиса, хотя он и после этого продолжал играть важную роль в политической жизни страны. Империя конечно не могла примириться с таким развитием событий и в 1044 г. перешла в наступление.³ Развернув крупномасштабную кампанию против царя Гагика (было организовано нашествие на Ани со стороны Абул-Асвара «архонта Двина и Персармении»),⁴ император Константин IX сумел вынудить анийского царя покинуть страну и отправиться в Константинополь. Важную роль в этом сыграли Саргис Хайказн и католикос Петрос, которые «сломили

¹ В этой связи мы не можем согласиться с выдвинутой недавно В.П. Степаненко точкой зрения о том, что в Армении в это время не было никаких антивизантийских и провизантийских группировок (Степаненко В.П., К идентификации личности «Веста...» с. 169) и не видим никакой необходимости пересматривать господствующее по этому вопросу в Армянской историографии (Арутюнова-Фиданян В.А., Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Востоке в X-XI вв. – ИФЖ, 1978, №2, с. 195; Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 84; Бартикян Р.М., К вопросу о политической ориентации Григория Магистра, с. 63-72 и др.) положение.

² Аристакеc Ластивертци, История..., с. 67; Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 81.

³ Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 82.

⁴ Георгий Кедрин, Хронография – «Георгика», т. V, с. 61.

волю Гагика и Пахлавуни и не смогли этому воспрепятствовать»¹. Но анийцы и после этого не прекращали сопротивление. По данным Маттэоса Урхаеци осенью 1044 г. они смогли нанести поражение войскам Николая Паракименона и выбить их из Олтиси.² Но отдельные успехи армянских патриотов не могли изменить общую ситуацию. Убедившись в том, что спасти страну не удастся, Вахрам и Григол Пахлавуни перешли к византийцам. Это уже было крахом антивизантийского фронта. В этот критический момент, по сообщению Аристакаеса Ластивертци, анийцы решили передать город «либо Давиду, либо Дунацы., либо абхазскому царю Баграту».³ В «Матиане Картлиса» также зафиксирован факт вмешательства Баграта IV в армянские события: «Вновь усилился и возвысился царь Баграт в царстве своем. Настало время благодатное для Баграта; **примкнул к нему вест с девятью твердынями Анийскими, за исключением Амберда. Вручили анийцы Ани матери Баграта**»...⁴ Баграт IV принял предложение анийцев и направил туда свою мать и вместе с ней крупных вельмож во главе с известным феодалом Абусером – эриставом Артануджи, владельца Хиха, Цихисджвари и крепости Ацкури.⁵

Как видим, в отличие от Аристакаеса, автор грузинской хроники говорит о передаче Ани царю Баграту, а также его конкретных шагах, направленных на присоединение Ани к Грузинскому царству. Исследователи считают не случайным

¹ Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 85.

² Там же.

³ Этот отрывок из сочинения Аристакаеса Ластивертци читается по-разному, однако мы отдаем предпочтение интерпретации К.Н. Юзбашяна. «Повествование Вардапета Аристакаеса Ластивертци...», с. 85, 159-160; Об этом см. также: Юзбашян К.Н., Грузинские послы в Ани 1045 г. (Посвящается 80-летию со дня рождения акад. АН ГССР С.Г. Каухчишвили), Тб., 1978, с. 157-158.

⁴ Картлис цховреба т. I с. 299; Летопись Картли, с. 68 (курсив наш – З.П.).

⁵ Картлис цховреба т. I, с. 300; Матиане Картлиса..., с. 68.

умалчивание Аристакаеса о конкретных мерах грузинского царя. Как справедливо отмечает А.П. Абдаладзе, сведения армянского историка о грузино-византийских отношениях, в частности об их противостоянии в Армении тенденциозны и при их освещении Аристакаес явно является выразителем византийских интересов.¹ В грузинской историографии высказано мнение о том, что направленным в Ани царем Багратом «дидебулам» поручалось непосредственное управление городом.² К.Н. Юзбашян же считает их всего лишь послами и отмечает, что «даже в случае действительного присоединения Ани к Грузии, невероятно, чтобы этот добровольный акт повлек за собой замену местной администрации пришедшей».³ Конечно, в условиях византийского наступления, действительно трудно представить, что грузинское руководство пошло бы на такие действия, которые не были бы одобрены местным населением и вопреки их желанию поручило бы все правление городом только грузинским посланникам. Вместе с тем, не должно быть сомнения и в том, что царица Мариам и ее свита не могли ограничиваться только лишь дипломатической миссией. Иначе непонятно, почему понадобилось вмешательство Липарита Багваши, который «переманил от царицы из Ани Абусера; эристава Иванэ; Иванэ Дадиани и Гуарама, сына Годердзи – владельца крепости Бечи и схватил их у ворот Ани».⁴ Заслуживает внимания тот факт, что перечисленные здесь феодалы, особенно Абусер, были

¹ Абдаладзе А.П., Политические образования..., с. 35-36.

² Джавахишвили И.А., История грузинского народа т. II, с. 143; Копалиани В.У., Из истории грузино-армянских взаимоотношений (Анийский вопрос в XI в.). – Труды Тбилисского государственного университета, т. 51, 1953, с. 81-82 (на груз. яз.); Его же, Грузино-византийские..., с. 200, 209; Лордкипанидзе М.Д., Внутри- и внешнеполитическое..., с. 195; Ее же, История Грузии..., с. 79-80.

³ Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 86.

⁴ Картлис цховреба, т. I, с. 300; Летопись Картли, с. 68.

наиболее верными подданными Баграта IV, можно сказать, его авангардом в борьбе с клдекарским эриставом. Поэтому их пребывание в Ани наверняка было вызвано больше военно-административной необходимостью, нежели дипломатической. Да и вообще, реально ли думать, что такая важная акция, каковой, бесспорно, являлось присоединение Ани, могла быть осуществлена всего лишь благодаря приезду «царских послов» и не была должным образом подкреплена и в военном отношении. Не говоря уж об антигрузинских силах, которые, безусловно, были в Ани, Баграт IV должен был учитывать и реакцию Константинополя. При грузинском царском дворе четко должны были понимать, что имперские власти не оставили бы без соответствующего ответа действия грузинского царя в Армении и поэтому вряд ли Баграт IV при решении «армянского вопроса» довольствовался бы только лишь «дипломатическими каналами». Вместе с тем, нельзя полностью исключить также и то, что грузинские посланники (с согласия армянской стороны) на время могли выполнять и административные функции. Возможно именно это обстоятельство вынудило католикоса Петроса срочно призвать византийцев и передать им Ани.¹ Так овладела Византия Анийским царством. Таким образом, противоборство Грузии и Византии в Армении завершилось победой империи, в чем немалая заслуга была и Липарита Багваши, который, вне всякого сомнения, действовал в Ани против Баграта IV по указанию константинопольских властей. Это было еще одним проявлением того, как внутривосточные распри, происходящие в это время в Грузии, мешали Баграту IV успешно осуществить важнейшие внешнеполитические задачи.

Рассматривая вопрос о грузино-византийском противостоянии в Армении, нельзя не сказать несколько слов о тех

¹ Аристакес Ластивертци, История..., с. 70-71

силах, которые были заинтересованы в присоединении Ани к Грузии. По данным «Матиане Картлиса», инициатива передачи Ани Баграту IV исходила от некоего «Веста», которого совершенно обоснованно идентифицируют с упомянутым нами Саргисом Хайказном.¹ Именно это обстоятельство побудило В.П. Степаненко пересмотреть принятое в историографии мнение о существовании в это время в Армении двух противоборствующих группировок, о котором говорилось выше. Нам представляется, что инициатива Саргиса Хайказна передать Ани и его окрестности грузинскому царю, не дает повода отрицать его провизантийскую ориентацию вообще. Разделяя мнение В.П. Степаненко о том, что «Саргис боролся за свои интересы, отстаивал свою власть в Анийском уделе»,² мы, тем не менее, не можем согласиться с утверждением о том, что эта его борьба «ни в коей мере не была связана с интересами Византии».³ Наоборот, все данные говорят о том, что Саргис в действительности был преданным империи. Как известно, он сделал все для упразднения царской власти. Это он уговорил Гагика II отправиться к императору, видимо, в надежде, что сам станет правителем края. Однако получилось так, что Гагик управление страной поручил не ему, а католикосу Петросу. Надо полагать, что это было сделано под диктовку византийцев, которые, по-видимому, несколько опасались Саргиса. Их, должно быть, настораживал тот факт, что Хайказн, в свое время, замахнулся на престол «шаханшаха». Не исключено также, что Константинополь был в курсе и о связях Саргиса с Грузией, о чем сохранил сведения Маттэос

¹ Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 82; Его же. Грузинские послы..., с. 158; Степаненко В.П., К идентификации личности веста..., с. 163, 171-172; Абдаладзе А.П., «Картлис цховреба» и грузино-армянские..., с. 214-215.

² Степаненко В.П., К идентификации личности..., с. 168.

³ Там же.

Урхаеци.¹ Все это могло вынудить Саргиса пересмотреть свои отношения с империей и искать новые пути для достижения своей цели. Возможно, именно это привело его к грузинскому царю. Учитывая зафиксированный Маттэосом Урхаеци факт более ранних контактов с «абхазами», следует думать, что у него были свои каналы к грузинскому царскому двору. Можно допустить даже, что он вел «двойную игру» между Византией и Грузией.² Нам неизвестна дальнейшая судьба Саргиса. По мнению В.П. Степаненко, он мог завершить свою карьеру в Грузии,³ что, бесспорно, не лишено основания. Дело в том, что как выяснил А.П. Абдаладзе, Баграт IV проявлял определенные симпатии к армянам и часто назначал их на высокие должности.⁴

Армянские события еще больше убедили Византию в необходимости дальнейшего усиления борьбы против грузинского царя. Константинополь на этот раз предпринял более реальные шаги для свержения Баграта IV и воцарения магистра Деметрэ. С этой целью, имперские власти вновь направили вспомогательные войска Липариту Багваши, которому удалось вовлечь в борьбу и кахетинцев, а также ташир-дзоракетского царя Давида. Так был организован довольно мощный фронт против Баграта IV. Несколько удивляет участие в нем ташир-дзоракетского царя Давида «Безземельного». Дело в том, что в 20-х – 30-х гг. XI в. между Грузией и Ташир-Дзоракетским армянским царством установились довольно близкие и добрососедские отношения.

¹ «После смерти Иовханеса, – пишет Маттэос Урхаеци, – один из ишханов, по имени Саргис Хайказн, дал знак ромеям – и отдал им страну Армянскую, сокровищницу древних царей армянских захватил и увез к абхамам». Степаненко В.П., К идентификации личности..., с. 168 (курсив наш – З.П.).

² Степаненко В.П., К идентификации личности..., с. 169; Абдаладзе А.П., «Картлис цховреба» и грузино-армянские..., с. 215.

³ Степаненко В.П., К идентификации личности..., с. 172.

⁴ Абдаладзе А.П., «Картлис цховреба» и..., с. 177-179; Его же, Взаимоотношения политических образований..., с. 121-122.

Известны факты грузино-ташир-дзоракетского военно-политического сотрудничества. Так например, на рубеже 20 – 30 гг.¹ они совместно с кахетинцами выступили против ганджийского эмира Фадла и нанесли ему сокрушительное поражение.² В 1040 г. Баграт IV помог Давиду «Безземельному» в отражении нашествия двинского эмира Абул-Асвара, направив туда 4000-тысячный отряд. Благодаря этой помощи, Давид «Безземельный» сумел отбить двинского эмира и вернуть захваченные им области.³ Однако позднее отношения между ташир-дзоракетским царем и Багратом IV, по-видимому, несколько ухудшились. Наверняка это было вызвано их соперничеством в борьбе за Ани. Как известно, таширские Кюрикиды имели достаточно обоснованные легитимные претензии по отношению к Анийскому уделу. Неслучайно Давид «Безземельный» в 1041–1042 гг. дважды пытался овладеть Ани, но не достиг своей цели.⁴ А в 1045 г., как уже было сказано выше, возникла ситуация, в которой Баграт IV и ташир-дзоракетский царь предстали непосредственными соперниками. Анийцы, как мы уже видели, предпочтение отдали грузинскому царю и решили именно ему передать город. Несомненно, это могло вызвать негативную реакцию со стороны таширского царя и обострить его отношения с Багратом IV. В связи с этим, нельзя забывать и о том, что между Грузией и правителями Лоре-Ташира постоянно были определенные пограничные споры, что, конечно, не мешало им иногда выступать вместе против общего врага.⁵ Учитывая все эти обстоятельства, думаем, у Давида «Безземельного» были

¹ По мнению П.А. Топурия, это произошло в 1030 г. См.: Топурия П.А., Государственные образования..., с. 192-193.

² Картлис цховреба, т. I, с. 296; Летопись Картли, с. 66.

³ Бартикян Р.М., «Хронография» Магфея Эдесского о Грузии и грузинах, – «Византийские этюды» (Посвящается 80-летию со дня рождения акад. АН ГССР С.Г. Каухчишвили), Тб., 1978, с. 143.

⁴ Юзбашян К.Н., Скилица о захвате Анийского царства..., с. 81; Папуашвили Т.Г., Царство Ранов и Кахов..., с. 238.

⁵ Абдаладзе А.П., Взаимоотношения политических образований..., с. 69.

веские причины выступить против своего грозного соседа, действия которого в Армении не могли не вызвать у него еще и дополнительные опасения.

Таким образом, против Баграта IV были выставлены значительные военные силы. Царь же оказался в достаточно затруднительном положении. В его распоряжении были верные ему отряды месхетинских азнауров и т.н. «шида лашкари» («внутреннее войско»). Мы считаем, что Багратам IV были использованы также «варанги» (варяги) – пребывание которых в Грузии зафиксировано в «Матиане Картлиса». ¹ Вопрос о том, откуда пришли «варанги» и на чьей стороне выступали они в Сасиретской битве, которая состоялась где-то в 1046 – 1047гг. ² и завершилась победой Липарита Багваши, все еще вызывает споры среди исследователей. В свое время, детально рассмотрев все аспекты текстологического осмысления сообщения грузинской хроники о «варангах», мы поддержали прочтение текста «Матиане» по И.З. Цинцадзе ³ и также предположили, что «варанги» с самого начала пришли на помощь к Баграту IV, на его стороне приняли участие в сражении у Сасиретской рощи и только после неудачного исхода этой битвы решили перейти к Липариту. ⁴ Несмотря на то, что отдельные исследователи не разделяют такую

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 301; Летопись Картли, с. 69.

² О датировке этого события см. также: **Богверадзе А.А.**, «Матиане Картлиса» о прибытии варягов в Грузию в 1047г. – В сб.: «Вопросы истории Грузии феодальной эпохи», т. VI, Тб., 1990, с. 70-81 (на груз. яз.); **Самушия Д.Г.**, Очерки из истории средневековой Грузии, Тб., 1999, с. 137-154 (на груз. яз.).

³ **Цинцадзе И.З.**, Разыскания по истории русско-грузинских взаимоотношений (X-XVI вв.). Тб., 1956, с. 22-37 (на груз. яз.). Против такого понимания текста недавно выступил Д. Гоголадзе: см.: **Гоголадзе Д.**, Сообщение «Матиане Картлиса» о «варангах», – «Грузинская дипломатия», (ежегодник), т. V, Тб., 1998, с. 275-298 (на груз. яз.).

⁴ Об этом см. подробно: **Папаскири З.В.**, «Варанги» грузинской «Летописи Картли» и некоторые вопросы русско-грузинских контактов в XI веке, – «История СССР», №3, 1981, с. 164-169; **Его же**, У истоков грузино-русских политических взаимоотношений, с. 34-43.

трактовку сообщения о «варангах», ¹ можно сказать, в последнее время она получает все большую поддержку в науке. ²

Вместе с тем, пребывание «варангов» в Грузии мы склонны рассматривать в широком аспекте грузино-византийско-русских отношений. Т.е. мы допускаем возможность прибытия отряда «варангов» из Киевской Руси и это связываем с обострением отношений между Константинополем и Киевским великим князем Ярославом Мудрым. Учитывая то обстоятельство, что грузинские цари и раньше стремились наладить контакты с антивизантийскими силами (вспомним попытку Гиоргия I установить связи с далеким Египтом), то возможность установления военно-политического союза с Киевской Русью в середине XI в. нам кажется не такой уж нереальной. ³ Подобные масштабные дипломатические акции для Грузинского государства были не новы. Как это было показано выше, при освещении грузино-византийского противостояния в 1021-1022гг. Гиоргием I была предпринята не менее масштабная попытка установления антивизантийского военно-политического союза между Грузией и далеким Египтом. Следует отметить, что некоторые восточные источники сохранили сведения о грузино-египетских дипломатических контактах и в период царствования Баграта IV. Так, по сообщению таджикского поэта XI в. Насира Хосроу, в церемониях открытия Нильского канала, наряду с представи-

¹ **Голадзе В.**, Викинги в Грузии, – «Мнатоби», №4, 1984 с. 165-171 (на груз. яз.); **Богверадзе А.А.**, «Матиане Картлиса»..., с. 70-76; **Гоголадзе Д.**, Сообщение..., с. 288-298; **Вачнадзе Н.З.**, **Чеишвили Г.**, Новые персонажи истории Грузии, – Dedicatio (Историко-филологические разыскания), Тб., 2001, с. 93-123 (на груз. яз.).

² **Метревели Р.В.**, «И пришли варанги» (Историко-филологические очерки), Тб., 1988, с. 76 (на груз. яз.); **Его же**, Внешняя политика Грузии в средние века, XII в., Тб., 1995, с. 5; **Анчабадзе Г.З.**, О значении термина «Внутреннее войско», – «Мацне», 1987, №1, с. 85-86, (на груз. яз.); **Виноградов В.Б.**, О реальности грузинского влияния на северо-западном Кавказе в X-XII вв. – «Мацне», №2, 1988, с. 164.

³ Об этом подробно: **Папаскири З.В.**, «Варанги», с. 169-173.

телями других (отдаленных) стран приняли участие некие «сыновья грузинских царей».¹ Высказано мнение, что под этими царевичами надо подразумевать «сыновей» дома Баграта IV и царя «ранов и кахов»,² хотя не исключено, что в сообщении таджикского поэта речь идет о «сыновьях» эристов Баграта IV.³

Победы Липарита Багваши, одержанные у Сасиретской рощи и под Аркис-цихе, значительно осложнили положение Баграта IV, однако, отчасти видимо, смерть царевича Деметрэ, а также обострение ситуации на Востоке, в результате усиления агрессии тюрок-сельджуков, дали определенную передышку грузинскому царю. А после того, как Липарит попал в плен к тюркам, даже появились первые симптомы стабилизации отношений с империей. Об этом свидетельствует тот факт, что Баграт IV принял участие в походе византийцев на Ганджу.⁴ С освобождением Липарита из сельджукского плена, с новой силой вспыхнула междоусобица в Грузии. На этот раз, Баграт IV не выдержал натиска могущественного феодала и был вынужден отправиться в империю, где в течение трех (1054-1057гг.) лет,⁵ фактически

¹ Метревели Р.В., Лордкипанидзе Г., Об интересном сообщении таджикского поэта, – газ. «Литератури Сакартвело», №17, 26.IV.1963 г.

² Габашвили В.Н., Из истории..., с. 70.

³ Метревели Р.В., Лордкипанидзе Г., Об интересном..., Об этом см. также: Лордкипанидзе М.Д., Папаскири З.В., Внешняя политика и дипломатия Грузии в XI в. – «Очерки истории грузинской дипломатии», т. I, Тб., 1998, с. 145, (на груз. яз.).

⁴ Картлис цховреба, т. I, с. 302; Летопись Картли, с. 70.

⁵ В грузинской историографии в основном принята именно эта датировка визита Баграта IV в империю (Джавахишвили И.А., История грузинского народа, т. II, с. 148; Копалиани В.У., Грузино-византийские..., с. 260; Лордкипанидзе М.Д., Внутри- и внешнеполитическое..., с. 165 и др.). Однако существует мнение о том, что Баграт IV в Византии находился в 1052-1055гг. (Об этом см. подробно: Бердзнишвили М.М., К уточнению одного места текста «Матиане Картлиса», – «Грузинское источниковедение», V, Тб., 1978, с. 39-49 (на груз. яз.). Об этом см. также: Самушия Д.Г., К вопросу о датировке некоторых событий истории Грузии XI в., – «Грузинская дипломатия», (ежегодник), т. IV, Тб., 1997 с. 242-249 (на груз. яз.); Его же, Очерки. с. 69-78.

находился в «почетном» плену. Визит Баграта IV в Константинополь был крахом его антивизантийской политики и доказательством того, что Грузинское государство опять не достигло намеченной цели – выйти из-под контроля Византии и выступать на международной арене в качестве суверенной политической силы. Но как показали дальнейшие события, византийские власти все же не смогли сломить Баграта IV. Наоборот, грузинский царь и его свита, благодаря активной дипломатической деятельности, добились изменения взгляда Константинополя на происходящие в Грузии события. По сведениям Георгия Кедрина, имперские власти были вынуждены признать Баграта правителем «всей Иберии и Абазгии», а Липарита – владельца Месхети – его вассалом.¹

Чем был вызван такой поворот событий? Мнение о том, что византийская сторона в условиях все больше усиливающейся сельджукской опасности сочла необходимым в лице Баграта IV иметь сильного союзника, не совсем убедительно. Грузинское государство и без Баграта IV могло стать союзником империи, т.к. здесь уже был установлен приемлемый для Византии политический режим: на троне сидел юный царевич Гиоргий, а всеми государственными делами управлял ставленник имперской администрации – Липарит Багваши. Т.е., была достигнута та цель, которую на протяжении почти 20 лет так упорно преследовала Византия. Почему же тогда Константинополь неожиданно решил позаботиться о восстановлении Баграта IV на престоле? По-видимому, это было вызвано или тем, что Византия в отношениях с Грузией вообще не строила далеко идущие планы и довольствовалась признанием с ее стороны верховенства империи; или же, к этому времени произошло что-то такое, что дало повод византийцам усомниться в преданности Липарита

¹ Георгика..., т. V, с. 68.

Багваши.¹ В этой связи заслуживает внимания тот факт, что в некоторых источниках особо отмечено доброжелательное отношение к Липариту со стороны сельджукского султана.² Имеются сведения также об участии сына Липарита – Иванэ в одном из походов сельджуков в 1057-1058 гг. на Арзрум и Трапезунд.³ Не исключено, что эти обстоятельства дали повод имперским властям усомниться в надежности рода Багваши и заставили пересмотреть свое отношение к Баграту IV. Так или иначе, достигнутое в Константинополе соглашение, безусловно, следует считать большой дипломатической победой Баграта IV, а не «коварным замыслом» империи, якобы готовившей Грузии ту же участь, что и Армении, как это предполагал акад. Н.А. Бердзенишвили.⁴

Если Византия намеревалась осуществить по отношению к Грузии то же самое, что было сделано с армянскими единицами, то непонятно, почему отпустили на родину Баграта IV (а не оставили его в Константинополе так же как и анийского царя Гагика II) и восстановили его на престоле? Не можем согласиться также с мнением о том, что возвращение Баграта IV в Грузию произошло с согласия Липарита.⁵ Клдекарский эристав не мог не предвидеть те осложнения, которые могли возникнуть после возвращения царя Баграта. Может быть, не случайно, что «Матиане Картлиса» инициатором отъезда Баграта IV из Византии называет его сестру

¹ По мнению М.М. Бердзенишвили изменение политического курса Византии по отношению к Грузии было вызвано смертью Константина IX (1055 г.) и прихода к власти императрицы Феодоры (М.М. Бердзенишвили, К уточнению..., с. 46).

² Картлис цховреба, т. I, с. 304; Летопись Картли, с. 71.

³ Жордания Ф.Д., К материалам по истории Грузии XI-XII вв., М., 1895, с. 7-10.

⁴ История Грузии, учебное пособие, I, Тб., 1958, с. 147 (на груз. языке); Очерки истории Грузии, т. III, с. 190.

⁵ Бердзенишвили Н.А., Вопросы истории Грузии, т. VII, Тб., 1974, с. 21 (на груз. языке).

Гурандухт, которая вместе с Липаритом была покровительницей (регентом?) юного царевича Гиоргия.¹ В связи с этим привлекает интерес один странный факт – покровительницей (регентом) царевича Гиоргия была назначена не его мать – царица Борена, а тетя – Гурандухт, которую специально вызвали из Вананда.² Складывается впечатление, что с самого начала Гурандухт была использована против царицы Борены, и ее приезд в Грузию отвечал интересам Византии – Липарита. Но в дальнейшем, надо полагать, приверженцам Баграта IV удалось переманить Гурандухт на свою сторону и, используя ее авторитет в Константинополе, через нее добиться вызволения царя из «почетного плена». Все это, по видимому, происходило втайне от Липарита, потому он и не послушался императора и не подчинился Баграту IV. Липарит, практически, разделил страну на две части и продолжал воспитывать Гиоргия – «в качестве царя».³

Однако вскоре пришел конец могуществу клдекарского эристава, он был схвачен и выслан из страны.⁴ Так завершилась длительная борьба феодальной оппозиции против царской власти, и завершилась она победой последней. На исход этого противостояния, конечно, оказали влияние внутривосточные моменты, но вместе с тем, поражение Липарита в значительной степени было обусловлено внешнеполитическими факторами, в частности, изменением восточной политики Византийской империи. В условиях надвигающейся сельджукской опасности в Константинополе окончательно убедились в полной неперспективности дальнейшей конфронтации с единственной на Востоке христианской страной – Грузинским царством и решили раз и навсегда отказаться от своих имперских притязаний,

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 304; Летопись Картли, с. 70.

² Абдаладзе А.П., Взаимоотношения политических образований..., с. 273.

³ Картлис цховреба, т. I, с. 304; Летопись Картли, с. 71.

⁴ Картлис цховреба, т. I, с. 304-305; Летопись Картли, с. 71.

прекратив всякое вмешательство во внутренние дела Грузии. Это сделало возможным нормализацию грузино-византийских отношений, с этого времени Византия уже начинает строить свои отношения с Грузией на качественно новой, фактически, равноправной основе. Хотя имперский двор по-прежнему старался сохранить свои юридические права на Грузинское царство, и с этой целью продолжал присваивать Баграту IV (впрочем, как увидим ниже, и Гиоргию II) все более высокие придворные титулы (новелисимоса, севаста), однако это уже не было свидетельством наличия каких-либо реальных прав у константинопольских властей по отношению к Грузии. Наоборот, в это время (с 60-х годов XI в.) высокие византийские титулы грузинских царей были выражением их возросшего авторитета в глазах правящих кругов империи и, в определенной степени, признания грузинского государства в качестве суверенного, равноправного союзника Византии на международной арене.

Однако внешнеполитическое положение грузинского государства недолго оставалось относительно стабильным. С середины 60-х годов XI в. Грузия попадает в водоворот новых событий, вызванных усилением сельджукской агрессии на Ближнем Востоке. С этого времени проблема урегулирования отношений с Византией отодвигается на задний план и все внимание грузинского царского двора будет приковано к организации борьбы против сельджукских завоевателей.

Глава III

ВНЕШЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРУЗИНСКОГО ГОСУДАРСТВА В 60-80-Х ГОДАХ XI ВЕКА

Появление сельджуков на политической арене резко изменило соотношение сил на Ближнем Востоке. В лице Сельджукского султаната, который в основном оформился на территории Ирана и Южного Закавказья в 40-50 гг. XI в.,¹ возникла мощная политическая единица, игравшая долгое время важную, если не решающую роль в международных отношениях. Внимание грузинского царского двора они привлекли уже с 30-х годов XI в., когда (в 1032-1034 гг.) сельджуки впервые вторглись в пределы Закавказья.² Начиная с этого времени сельджукский фактор почти постоянно влиял на политическую активность Грузинского государства. Впервые это четко проявилось в 1037-1038 гг., когда, по сведениям Ибн ал-Асира, опасность тюркского нашествия вынудила Баграта IV снять осаду города Тбилиси.³ С 40-х годов сельджукская угроза стала еще больше нарастать. Их нашествия на Армению и Азербайджан приобретают все более систематический характер. Грузинский царский двор зорко следил за обстановкой в Закавказье и принимал определенное участие в отражении сельджукской агрессии. В 1040 г., как уже отмечалось, Баграт IV помог ташир-дзоракетскому царю в отражении нашествия Абул-Асвара.⁴ К борьбе против тюрков-сельджуков

¹ Об этом см. подробно: **Шенгелия Н.Н.**, Сельджуки и Грузия в XI веке, Тб., 1968, с. 266-302 (на груз. яз.).

² **Агаджанов С.Г., Юзбашян К.Н.**, К истории тюркских набегов на Армению в XI в., – «Палестинский сборник», вып 13(76), 1965, с. 145-158; **Шенгелия Н.Н.**, Сельджуки и Грузия..., с. 165-170.

³ **Шенгелия Н.Н.**, Сельджуки и Грузия..., с. 174.

⁴ **Бартикян Р.М.**, «Хронография» Матфея Эдесского..., с. 143.

был подключен и Липарит Багваши, который активно участвовал во «всех походах византийцев на Востоке».¹ На стороне Византии в одной из схваток против тюрок (в 1048-1049 гг.)² выступил и Баграт IV.

На рубеже 40-50-х годов XI в. участились сельджукские нашествия непосредственно поблизости южных границ Грузии, в частности, они несколько раз разорили земли византийской фемы – «Иберия», т.е. южнотаойские области захваченные Василием II после смерти Давида Куропалата, которые, как известно, были заселены грузинскими (а также армянскими) племенами. В историографии, к сожалению, порой, не совсем верно осмысливается употребляемый повествующими об этих походах византийскими авторами (Михаил Аталиат, Георгий Кедрин) термин «Иберия»³, который часто идентифицируется с Грузией в целом. Если такой подход в какой-то степени объясним со стороны негрузинских историков – они не совсем четко ориентируются в изменениях, происшедших в государственной и политической структуре Грузии в начале XI в., то это непонятно со стороны грузинских ученых. Мы имеем в виду капитальное и, бесспорно, ценное исследование Н.Н. Шенгелия о грузино-сельджукских взаимоотношениях, в котором сведения византийских авторов о набегах на «Иберию» автор распространяет на Грузию,⁴ что, конечно, не оправдано. Эти земли давно уже не составляли государственную территорию Грузинского царства, поэтому данные о происходящих там событиях, нельзя использовать для оценки политического положения Грузинского государства. Вместе с тем, нельзя не согласиться с другим выводом Н.Н. Шенгелия о том, что «эти грандиозные экспедиции сель-

¹ Джавахишвили И.А., История грузинского народа, т. II, с. 146.

² Топурия П.А., Государственные образования..., с. 195.

³ Михаил Аталиат, История, – «Георгика»..., т. VI, Тб., 1966, с. 24; Георгий Кедрин, Хронология..., с. 82.

⁴ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 199-201.

джуков в соседние с Грузией страны» не могли не отразиться негативно на положении Грузинского царства в целом.¹ Более того, в источниках зафиксировано проникновение во время этой кампании, в пределы собственно Грузинского государства (в районе Самцхе, а также в окрестностях Манглиси) отдельных сельджукских отрядов.² Несмотря на это, сельджуки, все еще не угрожали непосредственно Грузии. Наоборот, можно сказать, что в указанный период (в 50-х годах XI в.) сельджукский фактор, в некоторой степени даже способствовал стабилизации внешнеполитического положения Грузинского государства, в частности, урегулированию его отношений с Византией.

Ситуация несколько изменилась с начала 60-х годов XI в., когда Баграт IV, успешно одолев сопротивление феодальной оппозиции, возобновил активные действия в Восточной Грузии. С этого времени, любой его шаг на внешнеполитической арене непосредственно задевал интересы сельджуков, поэтому они внимательно следили за действиями грузинского царя и, практически, не оставляли без соответствующей реакции ни одну из его военно-политических акций. Впервые это, на наш взгляд, наглядно было продемонстрировано в 1062 г., когда Баграт IV, уже в который раз, попытался овладеть г. Тбилиси, выкупив его, по сведениям арабского автора Ибн ал-Факихи, у кахетинского царя Агсартана.³

Установление контроля грузинского царя над Тбилиси, должно быть, вызвало серьезную озабоченность мусульман-

¹ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 206 (курсив наш – З.П.).

² Жордания Ф.Д., К материалам по истории Грузии..., с. 7; Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 200, 206-207.

³ Кикнадзе Р.К., Из истории Тбилиси XI-XIII вв. (по данным восточных источников), – «Труды» института истории, V, ч. I, Тб., 1960, с. 113-114; Месхия Ш.А., Городская коммуна в средневековом Тбилиси, – «Избранные сочинения», т. I, Тб., 1982, с. 240; Ратиани П.К., «Тбилели Береби» (восстание тбилисских горожан в XI в.), Тб., 1989, с. 14 (все на груз. яз.).

ского мира. Особенно беспокоили их, по-видимому, отмеченные Ибн ал-Факихи меры Баграта IV, направленные на «расширение дорог в горах для того, чтобы облегчить оттуда переход неверных (т.е. христиан-грузин) в страны Ислама».¹ В этом правящие круги Сельджукского султаната совершенно обоснованно могли увидеть подготовку грузинского царя к новым военным акциям. Думаем, что именно с этого времени становится Грузия главным соперником сельджуков на пути завоевания Закавказья.

В 1064 г. султан Алп-Арслан организовал первый большой поход против Грузии, во время которого были разорены некоторые области Южной Грузии и взят г. Ахалкалаки.² Большого сельджукам добиться не удалось. Алп-Арслан, видимо, был несколько озадачен оказанным грузинами сопротивлением и, не искушая судьбу, решил пойти на примирение с грузинским царем. Правда, некоторые восточные авторы (Садр ад-дин ал-Хусаини) отмечают признание Баграта IV верховенства султана, а также принятия им обязательства выплатить «хараджу»,³ но последующие события не только не подтверждают, но практически опровергают наличие каких-либо обязательств со стороны грузинского царя в пользу султана. Что же касается договоренности между Баграта IV и Алп-Арсланом о выдаче замуж за султана племянницы (а не дочери, – как это пишет арабский автор ал-Бондари)⁴ грузинского царя,⁵ то это вряд ли следует рассматривать как уступку Баграта IV. Наоборот, нам кажется, что этот брак был определенным дипломатическим успехом царя Баграта, так как способствовал

¹ Кикнадзе Р.К., Из истории..., с. 113-114.

² Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 219-225.

³ Шенгелия Н.Н., Садр ад-Дин Хусеини о походе Алп-Арслана в Грузию и в страны Закавказья, – «Разыскания по истории Грузии и Кавказа» (Посвящается 80-летию со дня рождения академика АН Грузинской ССР Н.А. Бердзенишвили), Тб., 1976, с. 190 (на груз. яз.).

⁴ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 226.

⁵ Карглис цховреба, т. I, с. 307; Летопись Картли, с. 72.

дальнейшему упрочению его позиций в Закавказье. Такой вывод не покажется странным, если учесть ту ситуацию, при которой он осуществлялся.

Как выясняется из сведений «Матиане Картлиса», против выдачи замуж за султана племянницы Баграта IV (т.е. дочери его сестры) выступил другой ее дядя (уже со стороны отца) ташир-дзоракетский царь Квирикэ. Воспользовавшись этим поводом, грузинский царь вступил в Ташир-Дзоракетское царство и, овладев Самшвилде, установил там свой контроль: «покорились (Баграту) армяне», – пишет автор «Матиане».¹ Это было еще одним шагом, направленным на возвращение Грузинскому государству территории древнегрузинских провинций – Хунани – Самшвилде.² Данная акция грузинского царя, помимо того, что она укрепляла позиции Грузии в этом регионе, была еще и своего рода демонстрацией военного могущества Грузинского царства в глазах сельджукского султана, который наверняка не оставил бы без соответствующей реакции более чем смелые действия Баграта IV в Ташир-Дзоракети. В качестве ответной меры следует рассматривать восстановление власти Джапаридского эмира в Тбилиси, которое произошло явно при помощи сельджукского султана.³ Пресечение дальнейшей экспансии царя «абхазов» и «картвелов» преследовало целью, по-видимому, и внезапное нашествие Абул-Асвара на Грузию,⁴ того самого Абул-Асвара, которому Алп-Арслан поручил контроль над политическими единицами Закавказья.⁵ Баграт IV немедленно ответил на это и (в 1067-1068 гг.) разорил известный мусульманский центр в Восточном Закавказье – Барду.⁶ Этого уже не мог потерпеть грозный

¹ Карглис цховреба, т. I, с. 307-308; Летопись Картли, с. 72-73.

² Папуашвили Т.Г., Царство..., с. 247.

³ Месхия Ш.А., Городская коммуна..., с. 241-242.

⁴ Кикнадзе Р.К., Из истории..., с. 115.

⁵ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 237.

⁶ Шенгелия Н.Н., Садр ад-Дин Хусеини..., с. 192.

сельджукский султан и он предпринял большой поход на Грузию – в 1068 г.

Таким образом, как видно, в 1064-1068 гг. – в период между первым и вторым походами Алп-Арслана на Грузию, Баграт IV совсем не избегал конфронтацию и отнюдь не шел на какие-нибудь компромиссы с сельджукским султаном, как это полагает Н.Н. Шенгелия,¹ а проводил достаточно активную внешнюю политику для укрепления своих позиций в Восточном Закавказье. Не случайно, что грузинский царь накануне сельджукского нашествия был занят присоединением Кахети-Эрети. Только лишь приход тюрок вынудил его прекратить дальнейшее наступление и вернуться обратно. Не исключено, что такое оперативное появление сельджуков, вообще произошло по инициативе кахетинского царя Агсартана. Об этом свидетельствует, по-видимому, зафиксированный Садр ад-Дином Хусейни факт преследования отрядом султана в Эрети именно «абхазских разбойников»,² а также срочная явка Агсартана к Алп-Арслану с большими подношениями и признание им верховенства султана.³ В лагере, направляющегося против царя «абхазов» и «картвелов» Алп-Арслана помимо Агсартана, оказались ташир-дзоракетский царь Квирикэ и тбилисский эмир. Это еще одно подтверждение того, что в Закавказье практически единственной реальной силой открыто выступающей против сельджуков было объединенное Грузинское государство. Поэтому Алп-Арслан решил примерно наказать Баграта IV.

В течение шести недель он опустошал Картли, а затем его отряды перешли и в Западную Грузию и разорили Аргвети «до самой Сверской крепости».⁴ Грузинский царь был вынужден попросить перемирия. Алп-Арслан потребовал дани, «но

из-за жестокостей зимы, не дождавшись (ответа), ушел из Картли». Однако, «уходя прибрал Тбилиси и Рустави... и отдал их Фадлону, владетелю Гандзы».¹ Передача этих городов Ганджийскому эмиру, как полагают исследователи, была вызвана не тем, что султан не доверял их владетелям – они верно служили ему,² а тем, что считал Фадлона наиболее надежным и сильным правителем, у которого было больше возможностей контролировать ситуацию в завоеванных грузинских областях.³

Баграт IV, конечно, не мог так легко смириться с поражением, тем более терпеть «злодеяния» Фадлона, и, выступив большим войском, подошел к Тбилиси. Ганджийский эмир не смог оказать ему сопротивления и был вынужден бежать из Тбилиси, однако по дороге был схвачен и увезен в Телави к царю Агсартану, а тот, испугавшись «преследований со стороны царя абхазов», решил уступить ему Фадлона, Баграт же взамен отдал кахетинскому царю завоеванные им ранее крепости Бочорму и Уджарму.⁴ Думается, что данный шаг Агсартана был продиктован не только боязнью перед Баграмом IV. Кахетинский царь, по-видимому, не меньше опасался самого Фадлона, который, как видно из сведений «Матиане Картлиса», оказывается уже завладел отдельными пограничными (Хорнабуджи, Арадети) областями царства «Кахов» и «Ранов».⁵ Из всего этого следует, что традиционная вражда с ганджийским эмиром, которая всегда связывала грузинских и армянских политических деятелей (не случайно, на наш взгляд, то обстоятельство, что в этих событиях нигде не фигурирует ташир-дзоракетский царь Квирикэ, который, по всей вероятности, занял выгодный для Баграта IV нейтралитет) и

¹ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 390.

² Шенгелия Н.Н., Садр ад-Дин Хусейни..., с. 192.

³ Картлис цховреба, т. I, с. 308-309; Летопись Картли, с. 73.

⁴ Картлис цховреба, т. I, с. 309; Летопись Картли, с. 73.

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 309-310; Летопись Картли, с. 74.

² Месхия Ш.А., Городская коммуна..., с. 242.

³ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 244.

⁴ Картлис цховреба, т. I, с. 311-312; Летопись Картли, с. 74-75.

⁵ Топурия П.А., Государственные образования..., с. 198.

на этот раз помирила кахетинского правителя с царем «абхазов» и «картвелов».

После пленения Фадлона Баграт IV немедленно занял Тбилиси и, назначив там управляющим некоего Ситл-араба, установил свой контроль над городом. Помимо этого, грузинский царь «прибрал крепости Рустави, Парцхиси, Агарани, Григольцминдани, Кавазини»,¹ т.е. крепости (которые в основном были расположены в области Квемо (Нижний) Картли.² Они составляли «пограничный район», который был передан Алп-Арсланом Фадлону.³ Эти акции грузинского царя означали, что Баграт IV вновь взял инициативу в свои руки и приступил к упрочению своих утраченных позиций в Восточной Грузии.

Пленение Фадлона Багратом IV и овладение г. Тбилиси были серьезным ударом по авторитету Алп-арслана и, естественно, он не оставил бы это без реакции. Однако, как ни странно, грозный сельджукский султан вместо карательной экспедиции послал в Грузию посланника – Алхаза, который путем переговоров добился освобождения Фадлона, а Баграту IV за это «преподнесли ключи от Гаги, и взял царь абхазов Гаги».⁴

Чем же было вызвано подобное, более чем лояльное отношение сельджукского султана на не совсем приятные для него достаточно дерзкие действия грузинского царя? В источниках каких-либо указаний, объясняющих такую позицию Алп-Арслана, не встречаем, но если осмыслить происходящие тогда на Ближнем Востоке события в целом, думаем, можно высказать определенное соображение по этому вопросу.

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 312; Летопись Картли, с. 75.

² Бердзенишвили Н.А., О топонимике древней Тбилиси (Агарани), – «Вопросы истории Грузии», т. I, Тб., 1964, с. 308; Бердзенишвили Д., Вопросы исторической географии Болниса, – «Вопросы исторической географии Грузии», II, Тб., 1964, с. 42.

³ Топурия П.А., Государственные образования..., с. 199.

⁴ Картлис цховреба, т. I, с. 312-313; Летопись Картли, с. 75.

С середины 60-х годов XI в. тюрки-сельджуки, как известно, усилили натиск в сторону византийских владений. Их основные удары в это время были направлены на Анатолию. Именно тогда начали тюрки обосновываться в этих краях.¹ Наступление сельджуков вынудило византийские власти сосредоточить все внимание на Востоке. Занявший в 1068 г. престол императора Роман Диоген мобилизовал все силы и, укрепив дисциплину в армии, сумел осуществить несколько успешных военных операций. Тюрки-сельджуки были отброшены за реку Евфрат.² Почувствовав опасность ослабления позиции в Анатолии, Алп-Арслан предпринял новый большой поход против Византии. Это решение султана было ускорено также событиями в Египте, охваченного острыми внутривосточными распрями, во время которых одна из группировок пригласила Алп-Арслана к берегам Нила.³ В 1070 г. сельджукские войска двинулись на Запад, проникли с территории Азербайджана в пределы Византии и в течение одного дня взяли Маназкерт. Так началась грандиозная кампания, которая 24 августа 1071 г. завершилась победоносной эпопеей сельджуков под Маназкертом.⁴

Таким образом, как видим, в конце 60-х годов XI в., когда Баграт IV осуществлял свои наступательные операции в Восточной Грузии, во время которой изгнал Фадлона из Тбилиси и захватил ряд крепостей, Алп-Арслан был занят более важными проблемами, т.е. подготовкой генерального наступления против Византии. По-видимому, именно это обстоятельство заставило сельджукского султана проявить определенную осторожность по отношению к Баграту IV. Помимо того, что не так просто было наказать грузинского

¹ История Византии, т. II, с. 283-284; Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 248.

² Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 250.

³ Там же.

⁴ Подробно см.: Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 253-265.

царя (в чем сельджуки могли убедиться во время I и II походов в Грузию), Алп-Арслан должен был учитывать и возможность выступления Баграта IV, в войне с Византией, на стороне империи. Поэтому конфронтация с грузинским царем накануне крупной военной кампании была бы дипломатической ошибкой со стороны сельджукского султана.

Действительно, возможность совместного грузино-византийского выступления против сельджуков была вполне реальной. К этому времени, как уже неоднократно отмечалось, взаимоотношения с Константинополем значительно стабилизировались, к чему, надо полагать, особенно способствовал династический брак – женитьба Михаила Дуки – сына императора Константина X на дочери Баграта IV – Мариам.¹ Правда в источниках нет никаких сведений, подтверждающих военно-политическое сотрудничество между Грузией и Византией в это время, но полное отрицание каких-либо согласованных действий между ними против общего врага, как это считает В.У. Копалиани,² вряд ли целесообразно. Конечно, вполне допустимо, что правительство Романа Диогена могло внести определение коррективы в те отношения, которые сложились между Баграта IV и Константином Дукой. Новый император просто обязан был опасаться Михаила Дуки, которого в борьбе за императорский престол мог поддержать его тесть севаст Баграт. Поэтому Роман Диоген вряд ли был в восторге от родственно-династических связей между грузинским царем и домом Дук. Однако в условиях все более усиливающейся сельджукской угрозы император, наверняка, проявил бы гибкость и не пошел бы на осложнение взаимоотношений с Грузинским царством, тем более что оно и так объективно становилось союзником Византийской империи

¹ Об этом см. подробно: **Нодия И.М.**, Грузинские материалы о византийской императрице Марфе-Мариам, – Византиноведческие этюды..., Тб., 1978, с. 146-155.

² **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские..., с. 279.

в борьбе с сельджуками. Так или иначе, у нас нет никаких данных, чтобы говорить о прерывании грузино-византийского политического союза к концу 60-х годов XI в. Другое дело, что это постарался бы сделать Алп-Арслан, которого никак не устраивало создание антисельджукского грузино-византийского военно-политического блока. Исходя из всего этого, может быть лояльная позиция, занятая султаном во время пленения Фадлона и даже вознаграждение Баграта IV (передача ему крепости Гаги) и было рассчитано на обеспечение нейтралитета грузинского царя в будущей войне? Т.е. мы полагаем, что пассивность (если не больше) Алп-Арслана по отношению конфликта между Баграта IV и Фадлоном, была обусловлена общей политической обстановкой на Ближнем Востоке и особенно обострением ситуации на византийско-сельджукском фронте. Именно это обстоятельство дало возможность Баграту IV действовать так свободно в Восточном Закавказье в начале 70-х годов XI в.

В конце своего царствования Баграту IV вновь пришлось выступить против Фадлона, который, нарушив «клятву и посредничество великого султана», захватил крепости Кавазини и Агарани.¹ Царь Баграт молниеносно среагировал на эту авантюру ганджийского эмира и освободил одну из этих крепостей. Более того, он организовал большой поход в Ганджу и для этой цели «призвал... царя овсов Дорголея с сорока тысячами овсов и под водительством сына своего Гиоргия куропалата опустошил Гандзу».² В результате этой победоносной военной операции значительно возрос авторитет царя «абхазов» и «картвелов». Активное участие овсского царя Дорголея в походе против Фадлона, свидетельствует о том, что Овсское царство – наиболее мощное политическое образование на Северном Кавказе – было вовлечено в орбиту внешнеполитических интересов Грузинского государства.

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 313; Летопись Картли, с. 75.

² Картлис цховреба, т. I, с. 313; Летопись Картли, с. 76.

Вместе с тем, совместный грузино-овсский поход в Ганджу показал, что именно Грузинское государство выступало в роли главного организатора антисельджукского фронта на Кавказе. А все это означало, что Грузинское царство, несмотря на тяжелые последствия сельджукских нашествий, по-прежнему оставалось ведущей политической силой, претендующей на роль гегемона в общекавказском масштабе.

С 70-х годов XI в. внешнеполитическое положение Грузии начинает резко ухудшаться, что было вызвано изменением обстановки на Ближнем Востоке в целом, в результате дальнейшего усиления сельджукской экспансии в этом направлении. Сокрушительное поражение Византии в Маназкертском сражении в 1071 г., окончательно сломило военно-политическое могущество империи. Маназкертская битва совершенно справедливо признана переломным этапом «не только в истории Ближнего Востока, но в определенной мере и с точки зрения всемирной истории».¹ Считается, «что именно тогда прояснялся вопрос о доминирующей силе на Ближнем Востоке – этой силой надолго стали турки-сельджуки».² С этого времени Византийская империя уже была не в силах сдерживать натиск сельджуков, и они постепенно достигли берегов Мраморного и Средиземного морей.³ В этот период завершается завоевание Армении, а также установление сельджукского диктата над Ширван-Дарубандом.⁴ В результате Грузия фактически оказалась лицом к лицу перед огромной мусульманской державой. Резко ухудшилось положение и внутри страны. Гиоргий II, вступивший на престол после смерти (1072 г.) своего отца Баграта IV, не сумел справиться с выступлениями феодальной оппозиции и был вынужден пойти на

¹ Месхия Ш.А., Дидгорская битва..., с. 46.

² Там же.

³ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 269.

⁴ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 302; Топурия П.А., Государственные образования..., с. 132.

большие уступки в отношении к ним. Наиболее активно против центральной власти и на этот раз выступал представитель феодального рода Багваши. Теперь уже сын Липарита Багваши – Иванэ, действия которого наносили значительный ущерб Грузинскому государству и на внешнеполитической арене. Так, благодаря «активности» нового клдекарского владетеля, Гиоргий II потерял Гаги, который клдекарским эриставом был продан ганджийскому эмиру Фадлону.¹

Как видно, за происходящими в Грузии процессами зорко следил султан Малик-шах, который, по-видимому, ждал подходящего момента для возобновления войны с Грузией. Поэтому он не преминул воспользоваться внутривосточными распрями между грузинским царем и Иванэ Багваши и вторгся в пределы владений клдекарского эристава. Иванэ попытался избежать сельджукского разорения и послал к султану своего сына Липарита. Однако, миссия Липарита, по-видимому, не дала никаких результатов, так как он вскоре сбежал от Малик-шаха. Султан продолжил свое наступление. Захватив Самшвилде, он пленил «Иванэ с супругой и внуками».² Малик-шах и на этом не остановился: «опустошил он Картли, полонил множество (жителей, захватил) неисчислимую добычу» и вернулся обратно.³ В историографии высказано мнение о том, что разорение Картли было осуществлено по совету и уговору Иванэ Багваши,⁴ что нам кажется маловероятным. Если бы клдекарский эристав имел какие-нибудь заслуги в разорении Картли, то, думаем, это было бы отмечено султаном. Полное молчание источников о дальнейшей судьбе Иванэ, на наш взгляд, свидетельствует о том, что он больше не играл активную роль в политической жизни. Попытка же И.П. Антелава на основании данных армянского перевода «Картлис цхов-

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 316; Летопись Картли, с. 77.

² Картлис цховреба, т. I, с. 316-317; Летопись Картли, с. 77-78.

³ Картлис цховреба, т. I, с. 317; Летопись Картли, с. 78.

⁴ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 305.

реба» исправить текст грузинского оригинала и исходя отсюда противником Давида IV объявить не Липарита Багваши (младшего), а его отца «Иванэ сына Липарита»¹ (старшего), нам представляется не совсем обоснованным.²

Малик-шах, по-видимому, уже не нуждался в «союзниках» и стремился без их помощи установить свою непосредственную власть в Восточном Закавказье. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что по возвращении из Грузии, он отнял Ганджу у Фадлона и передал его управление Сарангу.³ Т.е. Малик-шах поступил с Фадлоном так же, как с Иванэ Багваши. На первый взгляд, это вроде не совсем понятно, так как Фадлон всегда считался надежным союзником и вассалом сельджукских султанов. Но это было раньше – в 60-х годах XI в., когда в борьбе за Закавказье и в условиях войны с Византией, необходимость обеспечения безопасности тыла требовала от правящих кругов султаната проявления определенной осторожности и лояльности по отношению мусульманских правителей Восточного Закавказья.⁴ После победы в Маназкерт, сельджуки уже могли не церемониться и с мусульманскими правителями. Как справедливо замечает П.А. Топурия, тюрки-сельджуки «одинаково подрывали экономические и социальные устои как христианских, так и мусульманских обществ».⁵ Этим объясняется пленение Малик-шахом эмира Фадлона и назначение управляющим Ганджи Саранга Сивтегина, которому одновременно была поручена организация похода на Грузию.⁶ Действительно,

¹ Антелава И.П., Историк Давида Строителя о «Липарите амира», – в кн.: - Антелава И.П., Грузинские источники XI-XIV вв., Тб., 1988, с. 35-36 (на груз. яз.).

² Об этом см. подробно: Папаскири З.В., Средневековая Грузия на международной арене, Тб., 1991, с. 29-31 (на груз. яз.).

³ Картлис цховреба, т. I, с. 317; Летопись Картли, с. 78.

⁴ Топурия П.А., Государственные образования..., с. 82.

⁵ Там же.

⁶ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 305

собрав большое войско и при поддержке эмиров Двина и Дманиси... направился (Саранг – З.П.) против царя Гиоргия».¹ Однако, сражение в окрестностях Парцхиси в 1074 г.² завершилось полной победой грузинского войска. Парцхисская эпопея имела огромное значение для укрепления безопасности Грузинского царства. Она дала возможность, на определенное время, остановить натиск сельджуков с Ганджи-Арана и позволила Гиоргию II заняться другими внешнеполитическими проблемами.

По сведениям «Матиане Картлиса», грузинскому царю, в это время, удалось отобрать «у греков Анакопию – главную крепость Абхазии, и множество крепостей в Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артаани... взял (Гиоргий) Кари – крепость и страну, и твердыни Ванадские и Карнифорские и вынудил бежать турок с тех земель».³ В другой грузинской хронике, в сочинении т.н. историка Давида Строителя – «Жизнь царя царей Давида», чуть в иной интерпретации изложен факт территориальных приобретений Гиоргия II. По его данным, грузинский царь не завоевывал оружием эти области, а они были переданы ему известным военным и политическим деятелем Византии, грузином по происхождению, Григолом Бакурианис-дзе: «Прибыл к нему (царю Гиорги) зоравар Востока Григол Бакурианис-дзе, которому принадлежали Олтиси и Карнукалаки и Кари и... отдал царю Гиорги город-крепость Кари с прилегающими землями, и разошлись. А царь оставил в Кари азнауров из Шавшети и вернулся обратно».⁴ Что же касается освобождения Анакопии, то о нем историк Давида Строителя вообще умалчивает. Такому разночтению в двух

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 317; Летопись Картли, с. 78.

² Лордкипанидзе М.Д., Из истории византийско-грузинских взаимоотношений (70-е годы XI в.). – «Византийский временник», т. 40, М., 1979, с. 94.

³ Картлис цховреба, т. I, с. 317; Летопись Картли, с. 78.

⁴ Картлис цховреба, т. I, Тб., 1955, с. 318; Лордкипанидзе М.Д., Из истории грузино-византийских взаимоотношений (70-е годы XI в.), с. 92.

различных источниках при освещении вопроса о территориальных приобретениях Гиоргия II, в историографии дана, в основном, однозначная оценка. Все исследователи, которые касались этого факта, объясняют его тенденциозностью историка Давида IV.¹ Более того, на основании такого, можно сказать, чрезмерно критического подхода к данным автора «Жизни» царя Давида, делаются попытки некоторой «реабилитации» личности Гиоргия II.²

Мы не можем согласиться с выводом о том, что историк Давида Строителя, будучи заинтересованным всемерно возвеличить своего героя, преднамеренно сгущает краски по отношению к его отцу. Данное утверждение, практически, основано на единственном сообщении «Жизни царя царей...», в котором якобы незаслуженно дана критическая оценка действий Гиоргия. Это сообщение о том, как Гиоргий II, «пожелавший поохотиться в Аджамети», снял осаду Вежинской крепости и «не заботившись ни о чем, ни о взятии Вежини и Кахети, оставил тюркскому войску, которые находились при нем, Суджети и всю страну... Кухети», которые были разорены им.³ В остальных случаях мы не встречаем ни одного упрека в адрес Гиоргия II со стороны автора хроники о Давиде Строителе. Наоборот, в ней нетрудно обнаружить хвалебные строки и поддержку отдельных политических шагов Гиоргия. Так, например, в хронике особо отмечена «большая победа» Гиоргия II в Парцхисском сражении.⁴ Еще более откровенно восхваляет историк Давида Строителя Гиоргия II за его герои-

¹ Лордкипанидзе М.Д., Из истории..., с. 94-95.

² Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 307-309; Метревели Р.В., К вопросу об оценке деятельности Гиоргия II, – в кн.: Метревели Р.В., Очерки из истории феодальной Грузии, Тб., 1972, с. 29-60; Лордкипанидзе М.Д., Внутри и внешнеполитическое положение..., с. 208; Ее же, Из истории..., с. 94-95; Антелава И.П., Грузинские исторические материалы о статусе Гиоргия II, – в кн.: Антелава И.П., Грузинские источники..., с. 97.

³ Картлис цховреба, т. I, с. 322.

⁴ Картлис цховреба, т. I, с. 318.

ческое решение – «не побоявшись отдать собственную жизнь за спасение христиан», отправился к султану и добился от него прекращения сельджукских погромов.¹ Так что, из-за критики действий царя при осаде Вежинской крепости, а также «преднамеренного» подчеркивания факта «пожалования» ему империей Вананда, якобы имевшей целью затушевать заслуги Гиоргия II,² вряд ли целесообразно обвинять историка Давида Строителя в тенденциозности и необъективности.

Что же касается того разночтения, которое встречается в рассматриваемых нами хрониках, то оно, бесспорно, преодолимо. Как совершенно справедливо отмечает М.Д. Лордкипанидзе, «оба сообщения по-своему соответствуют действительности».³ С одной стороны, автор «Матиане» должен быть совершенно прав, когда говорит именно о завоевании Гиоргием II приобретенных территорий, с другой, можно вполне доверять и сказанному историком Давида IV, о передаче этих областей грузинскому царю Григолом Бакурианис-дзе. Византийская империя, после Маназкертской катастрофы, практически потеряла Вананд и Кари, но старалась оставить за собой хотя бы юридические права на эти области.⁴ Поэтому, пожаловав Вананд и Кари грузинскому царю, Константинополь фактически ему давал всего лишь право отвоевать указанные земли у сельджуков.⁵ Такая форма «пожалований», как известно, была традиционной для византийской дипломатии, свидетельством чего является, «пожалование» Давиду Куропалату т.н. «Верхних земель» за оказанную им Македонской династии помощь в подавлении мятежа Варды Склира в 979 г.⁶ Исходя из этого, действительно, вполне допустимо, что имперская администрация, давая право грузинскому царю –

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 321.

² Лордкипанидзе М.Д., Из истории..., с. 95.

³ Там же, с. 94.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

формально своему вассалу – отвоевать практически уже утраченные Византией территории, надеялась, когда-нибудь, восстановить свои права на них.¹

Но более вероятным нам кажется иное объяснение факта «пожалования» вышеотмеченных областей Гиоргию II. На наш взгляд, передача Вананда и Кари была первым реальным плодом грузино-византийского военно-политического сотрудничества, целью которого было объединение сил обоих государств в борьбе против усиливающейся агрессии тюрок-сельджуков. В этой связи, особо следует обратить внимание на то, что все это происходило тогда, когда на императорском престоле сидел зять грузинского царя – Михаил VII Дука, супруга которого, сестра Гиоргия II – царица Мариам,² по всей вероятности, возглавляла своего рода «грузинскую партию» в Византии. Активным членом этой «партии» надо считать Григола Бакурианис-дзе, настоящее возвышение которого на военно-политическом поприще, началось именно в период царствования Михаила VII, когда (в 1072 г.) он стал правителем «фемы» – «Иберии».³ 70-е годы XI в. были временем дальнейшего сближения Византийской империи с Грузией. Учитывая то обстоятельство, что в это время Грузинское госу-

¹ Лордкипанидзе М.Д., Из истории..., с. 95.

² Следует особо отметить, что дочь грузинского царя Баграат IV – императрица Мариам, которую некоторые византийские средневековые авторы и вслед за ними и отдельные современные исследователи, ошибочно называют «Марией аланкой» (Об этом см.: Папаскири З.В., У истоков..., с. 54-56; Микаберидзе А., Марфа Багратиони в Грузии и в Византии, – «Грузинская дипломатия», (ежегодник), т. 4, Тб., 1997, с. 118-119 (на груз. яз.), как выяснила акад. З.В. Удальцова, была единственной иностранной царевной на византийском императорском престоле в XI в. – Об этом см.: Удальцова З.В., Дипломатия, – в кн.: «Культура Византии». Вторая половина VII-XII вв., М., 1989, с. 252.

³ Арутюнова-Фиданян В.А., К вопросу о термине «Восток» в конце X-XI вв. (По данным о высших военных должностях Византийской империи), – «Византийские очерки». Труды советских ученых к XVI Международному Конгрессу византистов, М., 1982, с. 130.

дарство было единственной политической силой в Закавказье, которая оказывала реальное сопротивление сельджукам, имперские власти всемерно старались угодить грузинским политическим деятелям. Подтверждением этого является присвоение Гиоргия II высшего придворного титула – кесаря, а его сыну Давиду – куропалата. Присвоение представителям грузинского царского дома высочайших титулов византийского императорского двора давно (с конца 50-х годов XI в. уж точно) не было свидетельством наличия реальных вассало-сюзеренных отношений между Грузинским царством и империей, а означало признание Грузинского государства в качестве равноправного союзника Византии, его возросшего международного авторитета в глазах правящих кругов империи. Вместе с тем, надо полагать, присвоение означенных титулов грузинским Багратионам, по-видимому, происходило при активном посредничестве «грузинской партии» в Константинополе и ее лидера императрицы Мариам, восседавшей на престоле с 1071 по 1081 гг. вначале (в 1071-1078 гг.) как жена императора Михаила VII Дуки, а затем (в 1078-1081 гг.) и как жена императора Никифора Ботаниата, свергнувшего ее первого мужа.

Царица Мариам, по-видимому, и после 1081 г., когда она уже не являлась императрицей, на некоторое время все же продолжала играть немаловажную роль в политической жизни Византии. По-видимому, учитывалось то, что она, так же как и Григол Бакурианис-дзе, активно поддержала Алексея Комнина и помогла ему занять престол. Правда, новый император не последовал примеру своего предшественника и не женился на Мариам,¹ но между ними все же была достигнута определенная договоренность – Алексей был «усыновлен»

¹ Хотя, по мнению акад. Ф.И. Успенского, во время дворцового переворота 1081 г. «была сильна тенденция соединить новую династию (Комнинов – З.П.) с фамилией Дуки, в этих видах предполагалось устроить брак Алексея с царицей Мариам» (Успенский Ф.И., История Византийской империи, III, Л., 1948, с. 171-172, курсив наш – З.П.).

царицей Мариам, а ее сын Константин Дука (жених дочери Алексея Комнина – Анны) объявлен соправителем императора.¹ Все это, на первых порах, возможно способствовало сохранению влияния Мариам при императорском дворе. Но после 1086 г., когда в одном из сражений с печенегами погиб Григол Бакурианис-дзе, надо полагать, началось ослабление позиции «грузинской партии». Не случайно, наверно, что именно в этот период (по мнению К.С. Кекелидзе – 1088 г.)², царица Мариам ушла в монастырь.³ Впоследствии, в 1094 г. она приняла участие в заговоре против Алексея Комнина, организованном Никифором Диогеном, за что, видимо, была сослана на остров Пинкрипо, а ее сын Константин Дука окончательно потерял надежду получить императорский трон.⁴ Возможно, это уже было крахом «грузинской партии» в Константинополе. Не исключено, что это повлияло даже на грузино-византийские взаимоотношения вообще.

В этом плане, заслуживает внимания то обстоятельство, что именно где-то в 90-х годах Давид Строитель отказался от византийских титулов (последний раз он под византийским титулом – «паниперсеваста», упоминается в документе, датированном 1091-м годом).⁵ Возникает вопрос, не были ли использованы репрессии по отношению к Мариам и «грузинской партии», Давидом IV в качестве формального предлога для отказа от юридического верховенства империи? Думается, что вопросу о том, кто займет императорский престол после Алексея Комнина, в Грузии должны были придавать немаловажное значение. Ведь воцарение в империи

¹ **Копалиани В.У.**, Грузино-византийские..., с. 294-300.

² **Кекелидзе К.С.**, Этюды по истории грузинской литературы, V, Тб., 1957, с. 205 (на груз. яз.); ср. **Нодия И.М.**, Грузинские..., с. 153.

³ Продолжатель Иоанна Скилицы. История. – «Георгика», VI, Тб., 1966, с. 165.

⁴ **Нодия И.М.**, Грузинские материалы..., с. 153-155.

⁵ **Жордания Ф.Д.**, Хроники..., I, Тб., 1892, с. 236; см. также: **Степнадзе Д.К.**, К пониманию титулов грузинских царей в XI-XII вв. – «Разыскания по истории Грузии и Кавказа...» Тб., 1976, с. 161.

Константина Дуки, ближайшего родственника – двоюродного брата Давида IV, бесспорно открывало новые перспективы в деле упрочения и дальнейшего сближения двух соседних государств. Поэтому в Грузии наверняка были заинтересованы укреплением позиции Константина Дуки. Не исключено, что «грузинская партия» в Константинополе даже получала определенную, и может быть, не только моральную и дипломатическую поддержку со стороны грузинского царского двора. Если обратим внимание на зафиксированный Иоаном Зонары факт активного участия посланников (возможно военного отряда)¹ грузинского царя в борьбе за императорский престол накануне и после смерти Алексея Комнина,² то подобное предположение покажется достаточно аргументированным.³ Так что, вполне резонно, отказ Давида Строителя от византийских титулов связать с происходящими в середине 90-х годов XI в. в Константинополе событиями, хотя, конечно, совершенно очевидно, что эти события могли стать всего лишь формальным поводом. Главным и решающим фактором

¹ По данным византийского автора, первым, кто поздравил вышедшего из Манганского дворца Иоана Комнина с воцарением, были грузинские (в источнике «абазгские») всадники (Георгика, т. VI, с. 157), которые сопровождали дочь Давида Строителя – Катю, выданную в это время замуж за одного из сыновей (по мнению грузинских ученых за Исаака Комнина) Алексея Комнина. Об этом см.: **Копалиани В.У.**, Взаимоотношения Грузии с крестоносцами и Византией на рубеже XI-XII вв. – «Вопросы истории Грузии XII века», Труды ТГУ, т. 125, Тб., 1968, с. 121; **Месхия Ш.А.**, Дидгорская битва, с. 47-48; **Метревели Р.В.**, Давид IV Строитель. Обзор социально-экономической и политической истории эпохи, Тб., 1990, с. 293. (на груз. яз.).

² В грузинской историографии, совершенно обоснованно, бытует мнение о том, что сопровождающее царевну Катю «грузинское войско было послано в Константинополь в качестве серьезной подмоги для сторонников Исаака и Иоана». **Месхия Ш.А.**, Дидгорская битва, с. 48. Об этом см. также: **Копалиани В.У.**, Взаимоотношения Грузии..., с. 124-125.

³ В специальной литературе, на наш взгляд, совершенно верно отмечено, что появление иностранных принцесс на византийском императорском престоле сопровождалось усилением влияния ее соотечественников при дворе. См.: **Удальцова З.В.**, Дипломатия..., с. 252-253.

же, безусловно, было давнишнее стремление Грузинского государства, наконец освободиться и от юридической зависимости от Византии, обрести суверенитет и стать полноправным субъектом международной политики.

Итак, исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, смело можно констатировать дальнейшее углубление грузино-византийских отношений в 70-80-х годах XI в.; существование явных тенденций военно-политического сотрудничества между двумя странами. А это, как нам кажется, дает возможность говорить о том, что передача Григолом Бакурианидзе некоторых принадлежащих ранее Византии областей грузинскому царю произошла с согласия Константинополя. Так что, сообщение историка Давида Строителя о византийских «пожалованиях» приобретает вполне реальное содержание и обвинять его в тенденциозности и необъективности неоправданно.

Присоединение южных территорий было последним успехом Гиоргия II на внешнеполитической арене. После этого, грузинского царя постоянно преследовали неудачи. Началась непрекращающаяся серия сельджукских погромов. С 1080 г. же эти нападения стали носить систематический характер, Наступила т.н. «Диди туркоба» – «Великая туретчина», резко ухудшившая внешнеполитическое положение Грузинского государства. В историографии верно отмечено, что для установления в Грузии полного господства тюрок-сельджуков были все внешнеполитические условия,¹ так как после завоевания сельджуками Анатолии и возникновения на византийских и армянских территориях новых тюркских государственных образований, Грузия, практически, была изолирована от остального христианского мира и оказалась с глазу на глаз с грозным завоевателем.² Несмотря на это, грузинский царский двор, по-видимому, все же старался действовать в союзе с некоторыми соседними правителями. Сви-

¹ Шенгелия Н.Н. Сельджуки..., с. 310.

² Там же, с. 311.

детельством этого можно считать сообщение армянских авторов Вардана и Мхитара Аириванеци о том, что во время визита Гиоргия II в Испахан, там находился также ташир-дзоракетский царь Квирикэ и каталикос Армении Барсег.¹ Хотя в этих источниках прямо не говорится о согласованных действиях упомянутых деятелей, но их одновременная явка к султану, возможно, была не случайной.

Говоря о визите Гиоргия II² к сельджукскому султану, следует отметить, что в грузинской историографии этот шаг царя Гиоргия признан единственно правильным политическим решением в сложившейся тогда тяжелой ситуации.³ В принципе, мы не имеем ничего против такой оценки визита Гиоргия II, но при этом полагаем, что нельзя не учитывать и то, какие реальные последствия имел этот визит для Грузии. Последующие события показали, что обещания Малик-шаха о мире и согласии взамен выплаты Гиоргием «хараджи», оказались невыполненными. В начале вроде бы все шло нормально: султан не только уверил Гиоргия в самих благих намерениях по отношению к нему, но даже разрешил (правда, при помощи сельджукского войска) завоевать Кахети. Т.е. этим самым, появлялась возможность присоединить Кахети-Эрети, чего так упорно добивался Баграт IV. А это было бы еще одним шагом на пути завершения длительного процесса политического объединения Грузии и дальнейшего упрочения его позиций в Закавказье. Но это успешно начатое дело, по словам историка Давида Строителя, было сведено на нет из-за необдуманного решения Гиоргия II снять осаду Вежинской

¹ Всеобщая история Вардана Великого. Перевод Н. Эмина, М., 1961, с. 132; Мхитар Аириванеци. Хронологическая история. Перевод с древнеармянского, предисловие, примечания и указатели Л.С. Давлианидзе-Татишвили, Тб., 1990, с. 77.

² Этот визит, по всей вероятности, имел место в 1083 г. (Очерки истории Грузии, т. III, с. 205), хотя существует мнение о том, что он мог состояться и в 1081-1082 гг. См.: Метревели Р.В., Давид IV Строитель, с. 64.

³ Шенгелия Н.Н. Сельджуки..., с. 315; Метревели Р.В., Давид IV Строитель, с. 62.

крепости и отправиться в Западную Грузию. Мы уже говорили о том, что именно это сообщение дает повод некоторым ученым, обвинить историка Давида Строителя в тенденциозности, а решение Гиоргия II покинуть Вежини объясняют нежеланием (своего рода саботажем) грузинского царя, принять участие в разорении Кахети.¹ Несмотря на то, что этот аргумент, бесспорно, заслуживает внимания, нам все же кажется, что оценка, данная историком Давида Строителя решению Гиоргия II покинуть Кахети, более близка к истине.

В любом случае, ясно одно: автор «Жизни» царя Давида явно не одобряет этот шаг Гиоргия II, что нам представляется не случайным. Если принять во внимание также весьма лестную (если не более) характеристику, данную историком Давида Строителя Малик-шаху, как человеку и великому государю, «равного которому не было нигде»², можно подумать, что он делал определенную ставку на него и, несколько оптимистично представляя грузино-сельджукское сотрудничество на данном этапе, не видел ничего зазорного в том, что грузинский царь овладеет Кахети при помощи сельджукского войска. Конечно, восхваление историком Давида Строителя султана Малик-шаха можно объяснить и тем, что этот правитель действительно получил всеобщее признание как мудрый и дальновидный государственный деятель, с именем которого связано проведение ряда важнейших реформ, направленных на упрочнение центральной власти, чем особенно мог понравиться и грузинскому летописцу – ревностному поборнику сильной царской власти.³

¹ Шенгелия Н.Н., Сельджуки и Грузия..., с. 316-317; Метревели Р.В., Давид IV Строитель, с. 70; Бадридзе Ш.А., Хорошо встречаемая книга (Рецензия на книгу Р.В. Метревели: «Очерки из истории феодальной Грузии», Тб., 1972), – «Мнатоби», №9, 1972, с. 110 (на груз. яз.); Лордкипанидзе М.Д., Внутри и внешнеполитическое положение..., с. 208.

² Картлис цховреба, т. I, с. 321.

³ Габашвили В.Н., Восток на страницах грузинских источников XI-XII вв. – «Вопросы истории Грузии XII века», Труды ТГУ, т. 125, Тб., 1968, с. 293 (на груз. яз.).

Однако, восхваление Малик-шаха нашим историком, мы более склонны рассматривать как выражение определенной политической концепции, а именно поддержки (в условиях все более усиливающейся тюркской агрессии) курса на сближение с сельджуками путем признания верховенства султана и выплаты дани в пользу него.

Это, конечно, не означает того, что историк Давида Строителя вообще не был сторонником активного сопротивления сельджукам. Наоборот, все его последующее повествование как раз является пропагандой активной политики по отношению к сельджукам, но тогда – в 80-х годах XI в. – по его убеждению еще не были предпосылки для осуществления такого политического курса. Вот почему, на наш взгляд, он считает необдуманным снятие осады Вежинской крепости и оставление Кахети грузинским войском. Действительно, тем, что Гиоргий II якобы преднамеренно отказался от завоевания Кахети и Грузинское государство буквально ничего не выиграло (вопрос о присоединении Кахети-Эрети был отсрочен на неопределенное будущее) и Кахети попал в очень тяжелое положение. Таким образом, как видим, визит Гиоргия II в Испахан не достиг желаемого результата. Малик-шах, наряду с тем, что официально оформил свой диктат над царем Гиоргием, к своим рукам прибрал и царство «Кахов» и «Ранов». Царь Агсартан спасся тем, что срочно явился к султану, принял ислам и объявил себя его вассалом.¹ Все это, видимо, резко обострило ситуацию в Грузии. Становилось все более очевидным необходимость изменения политического курса. Недовольство политикой Гиоргия II достигло своего апогея в 1088-1089 гг., его усугубило стихийное бедствие – сильное землетрясение, погубившее множество людей. В этих условиях прогрессивные круги грузинского феодального общества решили отстранить от управления страной Гиоргия II и на престол посадить его шестнадцатилетнего сына Давида.

¹ Картлис цховреба, т. I, с. 322.

Заключение

Итак, подводя итоги нашего исследования, можно сказать следующее: 70-е годы X и 80-е годы XI веков – важнейший этап в истории средневековой Грузии. В это время произошло крупнейшее событие в истории грузинского народа – в основном, завершился процесс образования единого Грузинского государства. Возникшее в начале XI в. объединенное Грузинское царство, несмотря на то, что оно юридически все еще считалось «византийской страной», сразу же активно включилось в борьбу за политическое лидерство на Кавказе и достигло определенных успехов в этом направлении уже в период царствования первого монарха объединенной Грузии – Баграта III. Однако, в это время вопрос о полном освобождении Грузии от зависимости Константинополя, в силу определенных обстоятельств, пока еще не ставился. Эта задача впервые реально была поставлена преемником Баграта III – Георгием I, который, организовав достаточно крупномасштабную коалицию против Византийской империи, все же потерпел поражение и не сумел достичь намеченной цели. Несмотря на это, Грузинское государство в это время впервые заявило о себе на большой международной арене.

Последовательную политику Георгия I, направленную на вывод страны из-под юридической «опеки» Византийского императора и приобретения национального суверенитета в международных отношениях, продолжил его сын Баграт IV, во время которого грузино-византийское противостояние достигло своего апогея. Временами грузинскому царю удавалось нанести значительный ущерб византийским интересам на Востоке, как это произошло, например, в 1045 г. в Армении, когда Баграт IV едва не отнял у империи Ани и его окрестности. С середины 50-х годов XI в. уже наметились позитивные сдвиги в грузино-византийских отношениях, что во многом было обусловлено необходимостью объединения сил обоих

государств против надвигающейся сельджукской опасности.

С этого времени Грузинское государство, практически, освобождается от всякой зависимости Константинополя и становится равноправным партнером Византии в международных отношениях. Однако в 60-х годах XI в. возникли новые трудности. Сельджукское нашествие коренным образом изменило цели и задачи грузинской внешней политики. С этого времени все внимание грузинского царского двора полностью было приковано к отражению сельджукского натиска. Несмотря на большие старания, султану Алп-Арслану не удалось сломить сопротивление Баграта IV. Наоборот, интересы борьбы с Византийской империей потребовали от сельджукского султана пойти на определенные компромиссы по отношению к Грузии, что дало возможность царю Баграту IV в конце своего царствования более свободно действовать в Восточном Закавказье и сохранить политическое лидерство в регионе. С 70-х годов XI в. резко ухудшилось внешнеполитическое положение Грузии. После победы Алп-Арслана в Маназкертской битве в 1071 г., сельджуки окончательно установили свое господство на Ближнем Востоке. Это имело для Грузии катастрофические последствия. Она оказалась полностью изолированной от христианского мира и, практически, одна сражалась против сельджукских завоевателей. С этого времени главной задачей грузинской внешней политики стало освобождение страны из-под сельджукского ига. Поэтому борьба за приобретение внешнеполитического суверенитета была непосредственно связана именно с осуществлением этой задачи, что и было достигнуто Давидом IV Строителем в первой четверти XII в.

Zurab Papaskiri

From David to David

*From the History of International Relations of
Georgia.
970s-1070s*

Summary

It can be said that the period from the 970s till the 1080s is the most important period in Georgian Middle Ages history. In this period many important events took place in the history of Georgian people. Basically was finished the process of foundation of the united Georgian state. Sprang up at the beginning of the XI century united Georgian kingdom, despite it formally was considered to be a “Byzantine country”, immediately and actively began the struggle for political leadership in the Caucasus and it achieved some definite success in this direction during the reign of Bagrat III – the first monarch of united Georgia. But because of some definite circumstances the question of Georgia’s full independence from Constantinople wasn’t put on at that time. For the first time this goal was put on by Bagrat III’s successor Giorgi I, who organized a large-scale coalition against Byzantine empire, but was defeated and was unable to achieve his goal. In spite of this Georgian state declared its importance on the international arena at that time.

Giorgi I’s consistent policy, which was aimed at liberating the country from the “trusteeship” of Byzantine empire and gaining the national sovereignty in the international relations, was continued by his son Bagrat IV. During his reign Georgian-Byzantine confrontation reached its peak. From time to time

the Georgian king managed to harm significantly Byzantine interests in the East, as it happened for example in Armenia in 1044, when Bagrat IV nearly captured Ani and its area from the Empire. In the mid 50s of the XI century some positive changes began to shape in Georgian-Byzantine relations. It was caused by the necessity of unification of both countries forces against the imminent Seljuk danger.

From that time Georgian state practically gets free from any kind of dependence on Constantinople and becomes an equal partner to Byzantium in the international relations. But in 60s of XI century new difficulties arose. Seljuk invasion completely changed the objectives of Georgian foreign policy. From that time all attention of Georgian royal household was completely concentrated on the repulsion of Seljuk attacks. Despite the great attempts, sultan Alp Arslan was unable to break the resistance of Bagrat IV. On the contrary, because of their interest in the struggle against Byzantine empire, Seljuks had to make concessions towards Georgia. It gave Bagrat IV an opportunity to act more freely in the Transcaucasus during the last years of his reign and preserve his political leadership in the region. From 70s of XI century Georgia’s political situation worsened abruptly. After Alp Arslan’s victory in the battle of Manzikert in 1071 Seljuks finally established their supremacy in the Near East. That had catastrophic consequences for Georgia. Georgia was completely isolated from the Christian world and practically was fighting alone against Seljuk conquerors. From that time the main goal of Georgian foreign policy became the liberation of country from Seljuk yoke. Because of that the struggle for gaining the sovereignty in foreign affairs was directly connected with the realization of this goal, which was achieved by David IV the Builder in the first quarter of XII century.

Содержание

Введение	3
Глава I. Внешнеполитический фон образования единой грузинской монархии	9
Глава II. Борьба единого грузинского государства за приобретение национально-государственного суверенитета во внешне-политических отношениях в 20-50-х годах XIX	43
Глава III. Внешнеполитическое положение Грузинского государства в 60-80-х годах XIX века	85
Заключение	110
Резюме	112

ПАПАСКИРИ ЗУРАБ ВАЛЕРЬЯНОВИЧ

ОТ ДАВИДА ДО ДАВИДА

*Из истории международных отношений Грузии.
70-е годы X – 80-е годы XI вв.*

ზურაბ ვალერიანის ძე პაპასკირი

დავით კურაპალატიდან დავით აღმაშენებლამდე

*საქართველოს საერთაშორისო ურთიერთობების
ისტორიიდან.*

Xს. 70-იანი – XIXს. 80-იანი წლები

Сдано в набор Подписано в печать

Формат 60X84 1/16. Усл. печ. л. 7

..... экз.

Цена договорная

Типография “АНИ-XXI”